18+

ДНЕВНИК ПОСЛЕДНЕЙ ЗИМЫ

ГЕННАДИЙ ХАРЛАМОВ

Геннадий Харламов

Дневник последней зимы

«Издательские решения»

Харламов Г.

Дневник последней зимы / Г. Харламов — «Издательские решения»,

Шестьдесят семь лет Тимофею Ильичу Кудрявцеву. Он давно на пенсии, привык к размеренной жизни и не слишкомнуждается в обществе соседей. Но когда необъяснимая климатическая катастрофа обрушивается на весь мир, его привычная жизнь заканчивается.Постепенно несколько квартир превращаются в маленький замкнутый мир, где вчерашние соседи становятся друг для друга единственной опорой. А за стенами дома остаётся мир, в котором человеческая жизнь уже ничего не стоит.Книга содержит нецензурную брань.

© Харламов Г.
© Издательские решения

Содержание

Дневник последней зимы 6
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Дневник последней зимы

Геннадий Харламов

© Геннадий Харламов, 2026

ISBN 978-5-0071-7907-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник последней зимы
Глава 1. Знакомство

Перед тем как ты, случайный читатель, найдёшь этот дневник и примешься за изучение содержимого, я просто обязан тебе представиться и немного рассказать про себя любимого и про мой дом.

Меня зовут Кудрявцев Тимофей Ильич. Мне шестьдесят семь лет, и живу я на окраине Екатеринбурга, в старом, но основательном трёхэтажном доме. Дом наш стоит на отшибе, дальше — пустыри, гаражи, а за ними уже начинается лес, который с каждым годом подступает всё ближе, словно примеряет дом на себя. В доме всего три подъезда, да по две квартиры на этаже. Жильцы давно не менялись, так что каждый знает каждого если не по имени, то в лицо. Раньше я думал, что это хорошо — тихо, привычно, все свои. Теперь думаю, что это просто значит, что деваться друг от друга некуда.

Я живу в первом подъезде, на третьем этаже, в квартире номер пять. Ты, наверное, уже успел подумать — зачем так подробно? А я, признаться честно, и сам не знаю. Времени у меня свободного вагон и маленькая тележка, вот и протоколирую в свой кондуит всё, что считаю важным, интересным и нужным. В последнее время, впрочем, нужным кажется всё больше, а важным — всё меньше. Но привычка есть привычка.

Я бывший металлург, инженер. Всю жизнь на одном месте. На пенсию вышел пару лет назад. Сначала переживал, что буду от безделья маяться, но нет, обошлось. Занятия нашли меня сами. Я грибник со стажем, к тому же рыбак. Прикупил себе прошлым летом подержанную небольшую лодку, благо рек и озёр у нас в изобилии. Так и начался новый виток моей жизни. С мая по октябрь — я каждую неделю в лесах, а остальные полгода прихожу в себя и занимаюсь заготовками. Дачи и машины у меня нет, как нет и никогда не было семьи. Один как перст. С друзьями тоже не сложилось. В окружении всегда были люди — соседи, заводчане, — но назвать их кем-то большим, чем «знакомые», у меня язык не поворачивался. Ты, наверное, подумаешь сейчас, что я сварливый сумасшедший одинокий старик, но это не так. В какой-то момент я просто перестал гнаться за обществом, принял своё одиночество, и оно перестало меня тяготить. А когда мир вокруг начал сжиматься — сначала до размеров города, потом до размеров дома, а теперь, честно говоря, и до размеров подъезда, — я обнаружил, что одиночество — это не наказание, а запас прочности. У кого-то его нет, а у меня есть.

Почему же я один? Всё просто: у меня крайне скверный характер, и я тяжёлый человек. Ну или просто не очень хороший. Почему я так решил? Другого объяснения моему одиночеству у меня не нашлось. В конце концов, решил и решил, чего прицепился? Пошли дальше.

На первом этаже у нас жила Аня — девушка лет двадцати пяти. Её в наш дом буквально вогнала судьба-злодейка. Влюбилась она в Сёму, простого паренька, разнорабочего, вышла за него замуж, родила мальчонку — всё время забываю, как этого дьяволёнка зовут. Ему сейчас лет пять уже. Носится и орёт за троих, даже я на третьем этаже слышу. Раньше раздражался, теперь, бывает, прислушиваюсь: живой звук в доме — нынче роскошь. Так вот, этот Сёма уехал на вахту и не вернулся. Выбрал вторую семью. Ну, Аня и осталась одна. Девушка неплохая, в меру симпатичная, но, как оказалось, гулящая и пьющая, чем сразу вызвала у меня отторжение, хотя дьяволёнок всегда в глаженой одежде, чистый и сытый. Двоякое чувство. Теперь, когда всё вокруг пошло под откос, я на эту двоякость смотрю иначе: человек может быть скверной женой, но хорошей матерью — и это, пожалуй, единственное, что ещё держит первый этаж в равновесии.

Её сосед — Шура. Мужчина лет пятидесяти. Работает в ЖЭКе слесарем, а в нашем доме он за фейс-контроль, периодически выставляя за порог виновников шума из Аниной квар-

тиры. Шура для меня человек уникальный. Человек-тумба, как я его называю, за то, что вширь он почти такой же, как ввысь. Редкие вьющиеся тёмные волосы, переходящие в густые бакенбарды, ему совершенно не шли. Сколько бы я его ни видел, он всегда был одет в одну и ту же одежду — клетчатую красную рубаху из крупного ворса, тёмно-синий джинсовый комбинезон и поношенные кеды, как у юнца. В руке непременно чемодан с инструментами, а в зубах сигарета. Он с ней выходил из квартиры, с ней же и возвращался домой. Теперь я понимаю, что Шура — единственный в подъезде, кто умеет чинить всё: от бачка до проводки. Когда снаружи всё рушится, внутри дома ценность человека измеряется не профессией, а тем, может ли он починить то, без чего ты не проживёшь ещё неделю. Шура может.

На втором этаже, в третьей квартире, жили Вова и Ваня — Биба и Боба, как я их в шутку называл про себя. Два парня, лет двадцати. Сельские. В Екатеринбурге учились в техникуме и подрабатывали в сортировочном центре какого-то маркетплейса. Товарищи наивные до безобразия, зато порядочные. Квартиру они снимали у Марфы Степановны, живущей последние несколько лет на родине в Татарстане.

Соседняя квартира принадлежала ныне покойному Степану Антоновичу, покинувшему нас по причине беспробудного пьянства и ныне пустующая. Теперь эта пустота ощущается иначе. Раньше — просто пустая квартира. Теперь — дыра в доме, через которую, кажется, утекает тепло, и не только в прямом смысле.

Ты, наверное, хочешь знать, откуда я, нелюдимый старик, знаю всё и про всех? Ответ кроется за дверью соседней квартиры. Мой сосед — Юрий Владимирович — полицейский на пенсии, а как мы оба с тобой знаем, бывших ментов не бывает. А его супружница Ольга Марковна, будучи чересчур дружелюбной, иногда совершенно не знала личных границ. Зато благодаря им я знал всё про всех в нашем подъезде и даже доме. Сейчас эта осведомлённость из досуга превратилась в необходимость: кто где, кто чем дышит, у кого какие запасы, кто вчера выходил, кто не вернулся. Юрий Владимирович ведёт учёт в тетрадке, как заправский участковый. Я — в этом дневнике. Два старика, два архива одного маленького мира, который с каждым днём становится всё меньше.

Из других соседей отдельно заслуживает внимания Макрон. Наш подъездный кот, который почему-то всё время ошивается и мяукает около моей двери, чем безразмерно злит меня. Ты, наверное, спросишь, почему Макрон? Ответ прост. Когда его ещё совсем юным котёнком подбросили в наш подъезд, его любимым лакомством стали макароны. А что? Макароны — это дёшево, есть у всех. Так он сначала стал Макароном, а уже позже, когда в его мяуканье отчётливо читалось почти французское «уи», буква «а» из клички исчезла сама собой. Сейчас Макрон — единственный, кто ведёт себя так, будто ничего не случилось. Требует еду по расписанию, орёт на весь подъезд, спит на подоконнике. Я его за это уважаю. Кот, в отличие от нас, не читает новостей.

Во втором подъезде, на первом этаже, жил Митя. Я про себя называл его Пересидок. Митя получал сроки с невероятной скоростью, проводя на свободе пару месяцев и снова исчезая. Все его сроки были небольшими, два-три года, из-за чего я для себя решил, что он промышляет небольшим воровством: за грабёж дают сроки куда больше, а на наркомана или дилера он похож не был. Зато если посмотреть на Митю человеку незнающему, он непременно подумал бы, что перед ним глава мафии, не ниже. На каждом пальце какая-то наколка, как и на плечах, как и на ногах. Что они означают и есть ли в них смысл — я не знал, да и неинтересно мне было. Но стоило Мите пройти рядом, я невольно проверял содержимое карманов — и это несмотря на его «Тимофей Ильич, у своих воровать западло». Что там ему «западло», проверять не хотелось. Теперь Митя сидит дома, как все. Воровство в доме, где все друг друга знают, — занятие невыгодное, да и воровать, по совести, уже нечего.

На втором этаже — милая семейная пара средних лет, в квартире напротив — пенсионеры. На третьем — Никита, мужчина лет сорока. Кто он и чем занимался, я не знаю, но

мне всегда казалось, что его хобби — неделями чинить свою «Ниву», чтобы один раз прокатиться, сломать её и тем самым замкнуть круг. Теперь «Нива» стоит во дворе мёртвым грузом, и Никита иногда просто сидит в ней, как в кабине космического корабля, который никуда не полетит. Я его понимаю. Каждому нужно место, где можно побыть одному, не выходя из дома.

В третьем подъезде сейчас было всего два жильца. Бабушка, занимающаяся цветами у подъездов, — не помню, как её зовут, — а на третьем этаже жил самый загадочный для меня жилец нашего дома. Я назвал его Лис. Лису было лет тридцать, он всегда одевался в мешковатую невзрачную одежду, из дома выходил крайне редко и всегда шёл крадущейся хитрой походкой. Из-за кепок, очков, капюшонов, которые были обязательным элементом гардероба, я никогда не видел его лица. Я не помню, как он тут появился, но это было недавно, и понятия не имел, кто он такой, как зовут и чем он занимается. Остальных жильцов он сторонился, ограничиваясь сухим кивком. Сейчас, когда всё вокруг стало подозрительным, Лис — единственный, кто ведёт себя ровно так же, как раньше. И это, честно говоря, тревожит меня больше всего.

На этом, пожалуй, и всё. Не «всё» в формате истории, а «всё» в формате жильцов нашего дома.

Очень хорошо отпечаталось в памяти моей лето позапрошлого года, когда я в июне перешагнул порог проходной в последний раз. Чувства, признаться честно, были скорее грустные, чем радостные. Мне хотелось, подобно герою гайдаевской комедии «Старики-разбойники», раздать надаренные безделушки и вернуться. Я даже присел на лавочку, на миг задумавшись, но эти мысли тут же смыли воспоминания о боли в спине, которая заставляла меня каждый час прикладываться на продавленный диван в столовой, каждая пружина которого чувствовалась спиной. Чувство паршивое. Нет. Так не годится. Надо домой, надо переспать с этой мыслью. Именно так я тогда подумал и, признаться, ни разу не пожалел. Я с детства грибник и рыбак. Лес успокаивал меня. Да, машины у меня не было, но совсем рядом с домом была железнодорожная станция, на которой каждый час останавливались блекло-зелёные пригородные электрички. Расписание и маршруты, равно как и цены, я знал наизусть.

В 5:40 надо стоять на платформе, чтобы в 7 утра уже ходить по лесу с лукошком. Не вдоль трассы, где ходят все, а именно по лесной глуши, в которую отнюдь не каждый решит сунуться. Глушь, в которой пахнет лесом, а не бензином, а на растениях и цветах нет дорожной пыли.

Домой я возвращался ближе к 8 вечера, а в магазине «Турист» с вожделением разглядывал палатку. В глубине души очень хотелось остаться в лесу на ночь, но одиночество вкупе с глазами в темноте наглухо отбивали это желание. Сейчас я думаю: зря. Глаза в темноте — это, по крайней мере, честно. Они не притворяются, что всё хорошо.

Из действительно полезных моих покупок была лодка. Это была отдельная история. Наш «Турист» расширился и стал продавать мототехнику, моторы и надувные лодки. Я увидел это совершенно случайно. Каждое утро понедельника я шёл в «Восток» — небольшой трёхэтажный торговый центр, до которого от моего дома три остановки на трамвае. По понедельникам он был пустой, и можно было не просто купить продукты в гипермаркете на первом этаже со скидкой по пенсионному, но и пройтись по другим магазинам.

Так я и увидел их — лодки. Разного размера. Стояли в полный рост и манили меня, чертовки. Цен не было. Я долго стоял, скрестив руки за спиной, и рассматривал их. В «Туристе» было два продавца. Один — молодой рыжий в очках. Он всегда был вежлив, отвечал на вопросы и мог поддержать беседу. Второй — тот, что работал сегодня. Пузан с косичкой, в прыщах, с ножиком-бабочкой, которым он от безделья то и дело играл. Этот персонаж вызывал у меня искреннее отторжение. Он видел во мне лишь старика, покупающего один раз в месяц снасти на двести рублей. Поэтому, когда я рассматривал лодки, он даже не оторвался от телефона, облокотившись мамоном на стеклянную витрину, чудом держащую напор. Наш разговор я помню, как вчера.

— Любезнейший, — окликнул я, искренне интересуясь лодками, но он даже не подошёл, повернувшись за прилавком.

— Спрашивайте, — кивнул он.

— Почем эти лодки? Цен не наблюдаю, — спросил я, ещё раз оглядывая витрину в поисках ценников.

— Только выставили. Сто плюс.

— Сто плюс? — переспросил я. — Это как понять?

— Это значит, что они стоят дороже ста тысяч. В кредит и рассрочку не продаём, — равнодушно ответил он, ухмыльнувшись себе прямо под нос.

— А спасательный круг почём? — спросил я, равнодушно отправляясь на выход.

— Какой круг? — он оглядел стеллаж, но на нём были только жилеты.

— Который вы под футболку спрятали.

Я договорил и искренне рассмеялся своей находчивости и смекалке. Он что-то пробормотал, но я уже спускался на эскалаторе в продуктовый. В одном он был не прав. Я, хоть и был пенсионер с пенсией в двадцать одну тысячу рублей, но у меня была весьма неплохая финансовая подушка в полтора миллиона рублей, скопленных за годы работы. Тратить деньги я не умел, да и много ли одинокому человеку нужно? Деньги я держал исключительно наличными дома. У меня был тайник в подполе, прямо под ножкой кровати. Там лежал миллион. Ещё триста тысяч на текущие форс-мажоры лежали между простынями в серванте и двести тысяч в недрах первого ящика. Похоронные. Об их местонахождении знал только Юрий Владимирович на случай, если они вдруг понадобятся.

Так что толстяк был не прав. Если бы я хотел купить лодку за сто тысяч, я бы купил её сегодня же. Другой вопрос, что они были трёхместными и тяжёлыми. Куда мне такая? Хотя идея покупки лодки манила меня не первый год.

Забегая наперёд, скажу: лодку я всё-таки купил, правда не в «Туристе». Пенсия, которую я так боялся, оказалась скорее наградой, нежели наказанием. Я выбирался за город каждую неделю, и мне это совершенно не надоедало ни тогда, ни сейчас. Сейчас, сидя на диване перед телевизором, я внимательно смотрел на небольшую, лёгкую, ярко-оранжевую лодку, лежащую под ногами. Если кто-то сейчас подумает, что я идиот, который спит с лодкой и сидит в ней дома, — спешу огорчить, это не так. Я всего лишь наклеил очередную заплатку и проверял её перед завтрашним закрытием сезона. Рулевой я, как оказалось, был никудышный. Я то и дело налетал то на ветки, то на камни. Какие-то «ДТП» моя лодочка прощала, а какие-то нет. Наборов заплаток в цвет я не нашёл, а потому болотного цвета точки выглядели как ранения. Я перевёл взгляд на ведро с мыльным раствором и сам не заметил, как на лицо натянулась улыбка, а перед глазами пробежали воспоминания о первой пробоине. Сейчас, с высоты опыта старого речного волка, это казалось мне ерундой. И да, про волка, если что, был сарказм. Я же не знаю, есть ли у тебя, читающего мой дневник, чувство юмора.

День клонился к концу. Темнело. Лодка не спускала. Я упаковал её в сумку, проверил запасы и пошёл спать. Завтра планировался небольшой заплыв, рыбалка и самая привлекательная часть вылазки — привал с ухой из улова. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: это был последний вечер, когда я планировал что-то с уверенностью, что планы эти осуществятся. Тогда я, конечно, об этом не думал. Тогда я думал о том, что забыл купить лавровый лист.

Сон долго не приходил, и я ворочался в кровати. Ночью проснулся от того, что зуб на зуб не попадал. Это было странно. Первая мысль — заболеваю? Главное, чтобы не перед окончанием сезона. Я померил температуру старым ртутным термометром, но он показывал уверенные 36,6. Я ещё раз пожал плечами, достал шерстяное одеяло и, укрывшись им, уснул без проблем. Сейчас я думаю: надо было тогда насторожиться. Надо было выглянуть в окно, проверить градусник на улице, прислушаться к тому, как гудит дом. Но я не выглянул. Я решил,

что это просто стариковская дрожь, что это возраст, что это пройдёт. Возраст, может, и ни при чём. А вот то, что происходило снаружи, — очень даже при чём.

Утром я проснулся в пять от звонка будильника, и ночные события растворились сами собой. Я щёлкнул чайник, достал хлеб, сыр, масло и принялся делать бутерброд.

Дальше всё как в тумане. Помню, как замер. Помню, как нож, положенный не глядя на край стола, падает на пол. Мой взгляд, направленный в окно, увидел зебру. Всё под окном было бело-чёрное. Валил снег. Часть его сразу таяла, а часть устилала асфальт, детскую площадку и машины. Это было странно. Крайне странно. Я разочарованно выругался себе под нос, не понимая, что происходит. Вчера же смотрел прогноз на неделю — должно быть плюс пятнадцать и ясно. Какой к чёрту снег? Он рушил все мои планы. Посмотрев ещё раз в окно, мой взгляд остановился на ртутном градуснике, прибитом ещё лет двадцать назад к деревянной створке окна кухни со стороны улицы. Он показывал минус пять. Сейчас я вспомнил ночную дрожь, и всё встало на свои места. С чувством «выполненного долга» я убрал продукты, выключил чайник и пошёл досыпать.

Проснулся ближе к десяти и первым делом, словно восстанавливая в памяти события ночи и утра, подошёл к окну, раздвинул шторы резким и требовательным движением. Снег ложился крупными хрустящими хлопьями, укрывая землю от посторонних глаз. Дети лепили снеговиков и играли в снежки, автовладельцы прямо во дворе меняли резину, а ещё я увидел Лиса, который, как обычно, куда-то крался вдоль домов. Для меня это был крайне странный и непонятный персонаж. Первый раз я увидел его года полтора назад, может, чуть больше. Нет, он не заезжал с газелью, не перевозил вещи, не таскал мебель сам. Он просто появился из ниоткуда, с большим баулом и рюкзаком, словно в них смогла уместиться вся его жизнь. Я видел его несколько раз, он здоровался, но не более. Кто он такой, я так и не узнал. Лис скрылся за углом дома, оставив за собой вереницу следов. Следы эти, к слову, заметало быстро — снег валил густой, основательный, не сентябрьский.

Я сделал себе крепкий чай, сел на диван и включил одновременно телевизор и тонометр. По новостям говорили о каком-то смещении ветров, что-то про Гольфстрим и прочую нудятину, которой пытались объяснить преждевременный снег. Причём, как я понял, аналогичная ситуация носила массовый характер. Слушать это у меня желания не было: я пощёлкал кнопками, включил сериал. Что-то про ментов и бандитов. Классика, одним словом. Тонометр показал пониженное давление, а потому горячий крепкий и сладкий чай оказался как нельзя кстати. Ближе к обеду мне стало лучше, и я решил приготовить своё любимое блюдо — куриные сердечки. Я чистил их, обжаривал с луком и морковью и томил в сметане под крышкой. А с картошечкой — ух! От одной лишь мысли живот заурчал. Надо было идти в магазин, ведь если с овощами проблем не было, то главный ингредиент ещё предстояло купить.

Я посмотрел на градусник за окном и полез в сервант, откапывать в недрах зимние вещи. В итоге рейтузы, шерстяные носки и вязаный джемпер мне удалось найти почти сразу, а вот в поисках ботинок и дублёнки я затянул. На лестничной клетке встретился с Юрием Владимировичем и Ольгой Марковной. Выяснилось, что они тоже пошли в магазин и подышать воздухом. «Ладно, значит, пойду в дальний», — пронеслось у меня в голове. Пройтись хотелось в одиночестве. В соседнем доме, на первом этаже, был небольшой и очень старый магазинчик. Мы между собой называли его «Сельпо» из-за интерьера и прилавка. Никакого самообслуживания, никаких касс и тележек. Только продавщица, длинный прилавок и тетрадь с должниками — только местными и завсегдатаями. А через два дома открылся сетевой магазин. Я его сразу облюбовал. В первую очередь из-за цен и ассортимента, а уже во вторую — из-за контингента, который одним внешним видом позволял пройти мимо и не проверять карманы.

В магазине было всё как всегда: флиртующий с кассиршей охранник, медленная усыпляющая музыка и полные полки с акциями, так и манящими совершить покупку. В итоге я ушёл с сердечками, пельменями, сметаной и каким-то новым сыром. Погода на улице была

ещё более отвратительной, чем казалось из окна. Ветер пронизывал до костей, а зубы уже на обратном пути начали отбивать такт, намекая мне на то, что оделся я недостаточно тепло.

Даже дома я не мог согреться. Батареи были холодными, и тут на помощь мне пришёл купленный пару лет назад портативный электрический обогреватель. Помню, как сидел напротив него с горячим чаем в руках, опустив ноги в тазик с горячей горчичной водой и слушая какое-то ток-шоу с песнями и плясками. Тут ты, наверное, подумаешь, что я хилый старик: вышел в минус двадцать в магазин и заболел. Спешу тебя огорчить, ну или обрадовать, — нет. Это скорее были меры предосторожности. Небольшая пенсия приучила меня к простым правилам: видишь по акции — бери и не болей. Сегодня я следовал обоим. Мне потребовался почти час, чтобы согреться, насухо вытереть ноги и натянуть длинные шерстяные носки.

Близился вечер, и я нет-нет да и поглядывал на гудящего друга. Спать без него было бы невозможно из-за холода, а спать с ним — значит выложить кругленькую сумму за электричество. Что ж, из двух зол я выбрал меньшую. На завтра были грандиозные планы. Я хотел дозвониться в управляющую компанию и выяснить, не планируют ли они снизойти до простых смертных и включить отопление — это, во-первых, и, во-вторых, утеплить окна. Они у меня были старые, краска облупилась, а из щелей поддувало. Шпатель, вата и малярный скотч были в избытке. Признаюсь, грешен, пёр с завода на годы вперёд. Но, к слову, это я ещё мало брал, на фоне остальных, хотя гордиться тут особо нечем.

По новостям сказали, что рассчитывать на потепление пока что не стоит и, по-видимому, зима решила объявиться в сентябре. Диктор говорил это с той же интонацией, с какой обычно сообщают о пробках или о курсе валют, — вежливо, ровно, без всякой паники. Я тогда подумал: ну, объявилась и объявилась. Переживём. У нас, у стариков, знаешь ли, привычка: что бы ни случилось, сначала говорим «переживём». Потом, правда, обычно выясняется, что переживать придётся долго. Но об этом я тогда ещё не знал. Тогда я просто сидел напротив обогревателя, пил чай и думал о куриных сердечках. И это, пожалуй, было лучшее, что я мог сделать в тот вечер.

Спать я лёг раньше обычного, потому что делать в квартире было решительно нечего: телевизор гонял одно и то же, обогреватель гудел, как самолёт на взлёте, а электричество, судя по всему, я жёг не напрасно. Забрался под два одеяла, сверху накинул ещё и старое пальто — не для тепла, а так, для душевного спокойствия, — и выключил свет. И вот тут-то, в темноте, я впервые услышал, как воет ветер. Не просто шумит за окном, а именно воет, с подвыванием, с той противной переливчатой нотой, от которой начинаешь невольно прислушиваться. Я лежал и думал: господи, да у меня же квартира — решето. Решето, причём старое, дырявое, с облупившейся краской по краям. Ветер заходил не только через щели в рамах, но и, казалось, сквозь сами шторы: они шевелились, хотя форточка была закрыта наглухо. Я лежал и чувствовал, как холодными струйками тянет по полу, как стынут ноги, как одеяло сверху — тёплое, а снизу — ледяное, будто я лежу на проруби.

Часа в два ночи я всё-таки встал. Не потому, что решил, а почти на автомате: ноги сами понесли на кухню, руки сами открыли ящик, где лежали тряпки, и я, не включая света, на ощупь принялся уплотнять окна. Запихивал ветошь в щели между рамами, подтыкал старые полотенца под створки, приговаривая себе под нос что-то вроде «вот тебе, вот тебе, не дуй». Временная мера, конечно, но лучше временная, чем никакая. Закончив, постоял посреди кухни, послушал — вроде тише. Вернулся в кровать и уснул уже без приключений, с чувством человека, который сделал всё, что мог, а дальше — как получится.

Утром я первым делом подошёл к окну и обнаружил на тряпках наледь. Не иней, не изморозь, а самую настоящую наледь — белёсую, плотную, с ледяными иголками по краям. Снега за ночь стало ещё больше: двор утонул, детская площадка сравнялась с сугробами, а ребятня уже каталась с горки, которую кто-то из соседей сгрёб, видимо, ещё спозаранку. Я посмотрел на градусник за окном — и он мне не понравился. Минус двадцать семь. Я даже

протёр стекло, чтобы убедиться, что не мерещится, — нет, не мерещится. Минус двадцать семь, в сентябре, в Екатеринбурге. Я стоял и смотрел на эту цифру, и в голове у меня было ровно две мысли: первая — что куриные сердечки я вчера так и не приготовил, и вторая — что «переживём» в этот раз, пожалуй, придётся долго.

Взгляд сам перешёл на старый проводной телефон с диском ярко-красного цвета. Он стоял у меня с девяностых и в целом крайне прекрасно себя чувствовал, отлично работая. Я снял трубку и набрал номер.

— Алло, — послышался недовольный и грубый женский голос, заставивший меня усомниться в том, что я попал куда надо. Я не так часто звонил в управляющую, но это так, к слову, чтобы ты не думал, что я в чёрном списке.

— Это диспетчерская? — переспросил я.

— Да, говорите, — протянул диспетчер.

— Говорит Кудрявцев Тимофей Ильич, жилец дома по улице Крайней, дом одиннадцать. Подскажите, пожалуйста, не планируется ли в связи с погодными условиями включение отопления? — я старался говорить вежливо, но настойчиво.

— Нет, — ответил голос, и связь прервалась.

Я хотел перезвонить, хотя, кого я обманываю? Она просто положила трубку. Я постоял ещё немного с трубкой в руке, послушал короткие гудки, потом аккуратно, как учили, положил её на рычаг. И тут меня взяла злость. Не то чтобы я ждал от управляющей компании чудес — я, слава богу, пожил на этом свете и знаю, что чудеса там не водятся, — но одно дело, когда тебе объясняют, что «вопрос решается», «мы передали заявку», «ожидайте», и совсем другое, когда тебе говорят «нет» и кладут трубку. В этом «нет» было что-то окончательное. Как приговор. Как будто там, на другом конце провода, уже всё знают, всё решили и просто не считают нужным делиться со мной подробностями. Я походил по квартире, послушал, как ветер снова заходит в щели, несмотря на ночные тряпки, и решил: ладно. Раз со мной не хотят разговаривать, буду действовать сам.

Я включил музыку на старой радиоле и принялся конопатить щели. Чтобы найти музыку, пришлось знатно помучиться: по многим волнам была болтовня о погоде. Как будто поговорить больше не о чем. Я крутил верньер туда-сюда, ловил обрывки фраз — «аномальное похолодание», «синоптики не исключают», «коммунальные службы работают в усиленном режиме», — и в конце концов поймал какую-то старую песню, кажется, из семидесятых, которую раньше терпеть не мог, а сейчас слушал с удовольствием. Под неё и работалось легче. Я подтыкал вату в щели, проталкивал шпателем края, заклеивал малярным скотчем — и постепенно квартира моя, перестала дышать уличным ветром.

Я так интенсивно трудился, что не только устал, но и согрелся настолько, что стало даже жарко. Выключив обогреватель — а я давал ему передышки, чтобы он не сгорел, — я с размаху плюхнулся на диван и услышал, как что-то упало на пол. Это был мой телефон. Я не включал его неделю, может, больше. Просто зачем? Если на него звонили, то с рекламой, если писали, то всякий спам. Но я знал, что его нужно иногда включать, чтобы поддерживать в нём жизнь. Включил в розетку, телефон задумался, показал мне пустую батарею, и зарядка началась.

Его появление у меня — отдельная история. Я всегда ходил с кнопочным. Самым простым. И мне его хватало вполне. Но лет семь-восемь назад наш завод, который всегда работал по старым принципам, проиграл борьбу автоматизации. Начали появляться электронные почты, причём для всех, даже для таких, как я, начали появляться групповые чаты в мессенджерах. В цех приехал какой-то хмырь из офиса и начал устанавливать и настраивать всё необходимое. Увидев мой телефон, он рассмеялся. Мне сказали, что у меня единственного телефон не поддерживает программы. Звучало так обидно, что я ляпнул, мол, это просто балалайка, и

пообещал принести другой телефон из дома завтра, а хмырь сказал мне, что нужно сегодня, и даже начальник цеха отпустил съездить домой за телефоном.

На проходной завода я стоял и чувствовал, как лицо моё обретает знак вопроса. Так вышло, что эта часть современной жизни обошла меня стороной. У меня не было ни компьютера, ни смартфона, ни умных браслетов, и не потому, что я не мог себе это позволить, отнюдь, завод платил очень неплохо. Просто мне это было не нужно, а тратить деньги на то, что мне не нужно, я не привык. Вот и сейчас стоял и думал: зачем я это ляпнул? Именно с такой мыслью я зашёл в ближайший салон сотовой связи. Небольшой, прямо на остановке. За высокой стойкой, на барном стуле, сидел молодой консультант и помогал бабушке подобрать зарядное устройство. Я терпеливо ждал, с исключительно умным видом разглядывая витрину. Выбор здесь был огромным — от пяти до ста пятидесяти тысяч. Главный вопрос: что из характеристик мне нужно? Внешне я отметил для себя пару моделей, как вдруг:

— Здрасьте! — громко и картаво раздалось за спиной, заставив меня вздрогнуть.

— Забор покрасьте! — на автомате выдал я, рефлекторно положив руку на грудь. — Ты чего пугаешь?

— Извините, — слегка виновато ответил консультант. — Вам помочь?

Я рассказал ему, для чего мне нужен телефон, и тут выяснилось, что мои задачи считаются скромными и под них годится любой представленный, но самые дешёвые будут медленные и проработают недолго. Так мы остановились на золотой середине. Через полчаса я вложил в руку хмыря на заводе коробку с телефоном. Помню, как он смотрел на коробку в плёнке, потом на меня. Я не придумал ничего лучше, чем с гордым видом заявить, мол, руки распаковать не дошли. Ещё неделю молодёжь помогала мне разбираться, и я с горем пополам освоил камеру, мессенджер и видеозвонки. Пока я работал, телефон использовал каждый день, а сейчас вот включал иногда, чтобы поддержать в нём жизнь.

Из воспоминаний меня вывел безостановочный треск от накопившихся сообщений. Я не глядя мог сказать — это домовой чат. «Чудо», в которое меня добавили добровольно-принудительно на одном из собраний дома. Одна из основных причин, по которой я мог не включать телефон днями, а то и неделями. Я с ухмылкой открыл чат, надел очки и начал водить пальцем по экрану, бегло просматривая сообщения, проверяя, нет ли там чего по мою душу. Нет. Зато куча всякого: «продам кресло!», «кто шумит?», «тысячу в долг на неделю!», «есть у кого обогреватель?», «когда дадут отопление?». И всё в таком духе.

Но чем дальше я листал, тем меньше в этом «всём таком духе» оставалось привычного. Сначала шли объявления — кресло, детская коляска, санки, — потом вопросы про отопление, потом жалобы на холод, потом фотографии заиндевевших окон. И тишина. Никто не ответил. Я пролистал ещё немного и наткнулся на сообщение от Ольги Марковны, соседки моей, — она писала, что Юрий Владимирович ходил в управляющую и там «всё закрыто, никого нет». Под этим сообщением стояло три вопроса: «Как никого?», «А когда будут?», «А что делать?» И снова тишина.

Я отложил телефон, снял очки и посидел немного, глядя в окно. За окном валил снег, ровный, спокойный, без всякой злобы, как будто так и надо. И в этой тишине — и в чате, и за окном, и в моей квартире, где только что так жарко было от работы, — мне вдруг стало неуютно. Не холодно, нет. Неуютно. Как будто я только что прочитал объявление о том, что поезд, на который я так рассчитывал, отменили.

Следующие несколько дней ничего не происходило. То есть происходило, конечно, но ровно то, что и всегда: я смотрел телевизор, готовил себе еду, мыл посуду, подметал пол, читал старую книжку про рыбалку, которую знал уже почти наизусть, и время от времени поглядывал в окно. За окном всё было по-прежнему бело и тихо. Снег больше не валил так густо, как в

первый день, но и не таял — лежал себе ровным слоем, как будто так и надо, как будто сентябрь теперь зимний месяц. Дети катались с горки, кто-то во дворе всё ещё возился с машиной.

Температура за окном при этом медленно, но уверенно снижалась — на пару-тройку градусов каждый день. Минус двадцать семь превратились в минус двадцать девять, потом в минус тридцать один, потом в минус тридцать три. Я вёл учёт, как заправский метеоролог: каждое утро подходил к градуснику, прибитому к створке окна, и записывал цифру в блокнот. Не то чтобы это что-то меняло, но за чем-то же надо было следить, а следить за новостями я уже не мог — там говорили всё то же самое, только другими словами, и от этого становилось тошно. В квартире моей, несмотря на все тряпки и вату, тоже становилось прохладнее. Обогреватель работал уже не с перерывами, а почти без остановки.

А потом в какой-то момент случилось чудо. В чате домовом, который я теперь просматривал каждый вечер, появилось сообщение — сухое, казённое, без всяких там смайликов: «В связи с понижением температуры принято решение о досрочном включении отопления. Отопление будет подано завтра». Я перечитал его два раза, потом третий, потом снял очки, протёр их и перечитал ещё раз. Написано было именно так, как я тебе передаю, — ни тебе извинений за задержку, ни объяснений, почему раньше нельзя было, ни даже банального «приносим извинения за доставленные неудобства». Просто «принято решение» и «будет подано». И всё.

Я отложил телефон, посидел немного, потом встал и пошёл на кухню, поставил чайник, достал печенье. На душе было странно. С одной стороны — радость: ну наконец-то, дождались, теперь заживём. С другой — какое-то смутное, нехорошее чувство, которое я никак не мог сформулировать. Что-то в этом сообщении было не так. Не в словах даже, а в самой интонации. Как будто писал не человек, которому холодно так же, как и мне, а какая-то машина, которой велели написать, и она написала. Я тогда подумал: ладно, чего прицепился? Дали отопление — и слава богу. Но чувство это, смутное и нехорошее, никуда не делось.

Глава 2. Первые трудности

Только сейчас, по прошествии времени, я понял, что разные сигналы и звоночки были видны даже невооружённым взглядом, но, по всей видимости, взгляд мой был направлен куда-то в другую сторону. Но я себя не виню. Мой образ жизни ничуть не изменился. Наоборот, он изо дня в день оставался прежним. А когда жизнь вокруг тебя остаётся прежней, ты и сам не замечаешь, как она меняется по краям.

Управляющая компания не обманула, что само по себе уже звучало как какой-то сюр, но тем не менее я был рад, когда батареи загудели, создавая полное ощущение того, что дом ожил и начал дышать. Батареи, к слову, у нас в доме были чугунные, без всяких новомодных вентилей и регулировок. Нагревались не быстро, но зато кочегарили так, что можно было до трусов раздеваться. Так я и сделал, но не в прямом, конечно, смысле. Ночью я лёг спать как обычно, проснулся весь мокрый: вечером батареи ещё не нагрелись, зато ночью уже шпарили на полную, а я лежал под двумя одеялами, в рейтузах, майке и джемпере, да ещё и в носках шерстяных. Ну я по привычке снова подумал, что заболел, а потом до меня дошло. Тепло стало настолько, что пришлось сходить в душ, а вещи сушиться повесить. Зато какое облегчение я испытал, когда смог улечься в семейниках и майке — уж простите за подробности — да укрыться обычным одеялом, одним, между прочим.

Утром проснулся довольный. От чего — прекрасно знаю. Пенсия. Сегодня был тот самый заветный день. Ждал я её, правда, не так сильно, как ждал зарплату, потому что прекрасно понимал: мои возможности ограничатся четырьмя тысячами рублей в неделю после оплаты обязательных счетов, а это, на минуточку, пятьсот семьдесят один рубль в день, с копейками. Ты, наверное, сейчас подумал: чего ты, старый, разнылся? У тебя ж мильён с лишним по квартире заныканы! А я тебе, случайный читатель, отвечу: вот именно поэтому и заныканы. Если бы я жил на широкую ногу, то от финансовой моей подушки осталась бы одна наволочка. А я,

между прочим, даже с пенсии умудрялся по копеечке, но складировать в свои запасы. Пенсию я, в отличие от соседей, получал наличными. По старинке. Может, дело привычки, может, моё недоверие к банковской системе говорило за меня. Я уж не буду сейчас рассказывать, сколько я накопил до девяносто первого года и что с этим вкладом случилось. Не буду вспоминать и дефолт. Скажу так: причины держать деньги наличными у меня были выработаны жизненным опытом. Учился на собственных ошибках. Даже на заводе я зарплату получал в кассе до последнего, пока такая возможность была. Сейчас не об этом.

Я ждал почтальона — Наталью Борисовну. Симпатичную женщину бальзаковского возраста, которая носила мне пенсию с моего первого дня. Я, сам того не замечая, всегда готовился к её приходу. Наводил порядок, мыл пол, обязательно угощал её чаем с чем-то сладким. Она каждый раз отказывается, краснеет, а потом соглашается. Пока пьёт чай, расскажет мне про сына — он у неё где-то на вахтах постоянно, но мне, между нами, кажется, что вахты у него примерно такие же, как у нашего Митька, но не суть. Потом пересчитает мои сокровища, выдаст и протянет лист для росписи. Каждый раз это происходит по одному сценарию. Даже время почти всегда одно и то же — с десяти до двенадцати часов.

Я сидел на кухне, ставил чайник уже в третий раз. Часы показывали полвторого. Натальи Борисовны всё не было. В нашем доме она ходила только ко мне и к бабульке из крайнего подъезда. Ну не пойду же я спрашивать у неё. Не хочу и точка. Буду ждать. В конце концов, снега сколько. Погодные условия. Может, придёт позже.

Я просидел тогда на кухне ещё около получаса, после, когда моя пятая точка уже была по форме как табуретка, пошёл в комнату и развалился на диване. По телевизору шла передача, знакомые лица, обычно они обсуждали последние новости и поливали друг друга грязью, делая это так смешно и нелепо, что я слушал это не как большинство стариков, принимая каждое слово за чистую монету, а как развлекательный цирк уродцев. Настроившись на шоу, подготовив своё любимое лакомство — изюм, я начал ждать, но они, к удивлению, вели себя спокойно, приглашая в студию всяких физиков, метеорологов, экспертов по вулканическим плитам и климату. Разговор стоял серьёзный. Я первый раз за последние дни попытался вникнуть, из любопытства. Если отфильтровать научные объяснения, то мы медленно и уверенно катились к одной из самых холодных зим за несколько последних тысячелетий. На экране мелькали нарезки из разных городов и стран, из которых я понял, что снег идёт даже там, где его никогда в жизни не видели. Это было странно. Мнения экспертов, уж не знаю, насколько они эксперты, разнились. Я сам не заметил, как просидел перед телевизором несколько часов, и когда уже собрался идти готовить ужин, в дверь позвонили.

Это была Наталья Борисовна. Я даже не сразу узнал её. Она стояла в болоньевых штанах, валенках, каком-то полушубке, шапке и шарфе, который был весь в инее, намотан вокруг лица, оставляя лишь глаза. Ну прямо повитуха какая-то, ей-богу, — пронеслось у меня в голове.

— Здравствуйте, Тимофей Ильич, — кивнула она, приспуская шарф рукой. — Первый раз жалею, что вы не на карту пенсию получаете.

— И вам здравствуйте, Наталья Борисовна, — кивнул я, сдерживая довольную улыбку. — Как добрались? Чаю?

— Сегодня точно не буду отказываться, — кивнула она.

Мы прошли на кухню. Наталья Борисовна рассказала, что им для корреспонденции выдали сани. Снега на улице по щиколотку, а коммунальные службы просто не успевают его вывозить. Если на центральных улицах и дорогах было ещё ничего, то у нас владельцы седанов даже из дворов выехать не в состоянии. Она то и дело косилась на мою ярко-оранжевую лодку, лежащую в коридоре, словно думая, задать вопрос или нет. Я действительно её так и не сдул.

Сначала надеялся, что тепло вернётся, а потом руки не доходили. Мы сидели, говорили обо всём, а потом она спохватилась и начала собираться. Остановившись уже на пороге:

— Кстати, Тимофей Ильич, — сказала Наталья Борисовна, наматывая шарф, — у меня сестра в продуктовом работает, так вот она сказала, что трассы замело. Поставок уже несколько дней нет. Сейчас на полках запасы с местных складов, но кто его знает. Вы бы запаслись продуктами, от греха подальше. Мало ли, дефицит. Предупреждён — значит вооружён.

Я поблагодарил её и закрыл дверь. Слово «дефицит», которое я не слышал уже много лет, кольнуло шпагой прямо в душу. Сам того не замечая, я замер в прихожей с деньгами в руках, глядя на своё отражение в зеркале. В тот момент первый раз у меня что-то начало складываться: снег в сентябре, холод, новости, слова о дефиците. Это надо было переварить и хорошенько обдумать. Я ушёл на кухню и, пока тушил капусту, смотрел в одну точку, гоняя мысли в голове.

Наверное, она была права. В конце концов, что я теряю от покупки консервов и круп? Если я ошибся, буду есть это добро понемногу в течение ближайших лет. Но самое страшное — если я прав и начнётся продуктовый коллапс? Нет. Моё чутьё начало усиливаться и разжигать во мне желание пойти в магазин прямо сейчас, но куда я на ночь глядя, да ещё и без списка? Так не годится. Я поужинал, натянул на нос очки, взял листок, ручку и под звуки выстрелов из телевизора принялся составлять свой список. Брать нужно было исключительно то, что может храниться годами. Я писал, правил, зачёркивал, добавлял, и в конце получилось как-то так:

Макароны.
Греча.
Рис.
Манка.
Сахар.
Соль.
Мука.
Килька в томате.
Сухофрукты.
Тушёнка.
Кукуруза.
Горошек.
Фасоль.

Я несколько раз прошёлся по списку, перепроверил. Вроде бы всё. Надо спать. Завтра утром предстоит трудная вылазка. Я заложил на ту закупку сто тысяч рублей из собственных накоплений. Если ты подумал, как подумал, отвечу сразу: сам дурак.

Утром я проснулся по будильнику, который завёл на семь. Не знаю почему, но мне показалось, что приехать к открытию магазина было лучшей идеей.

Термометр показывал минус тридцать шесть. Я поморщился. Никогда не любил холод, особенно такой. В голове всплыли события, а точнее ощущения от прошлого похода. Я оделся как лук, но всё равно замёрз. Сегодня я решил утеплиться больше, найдя в недрах шифоньера валенки. Большие, толстые. Я покупал их на рынке лет пять назад, когда хотел освоить зимнюю рыбалку. Рыбалку я так и не освоил, не оценив сидение у лунки как пингвин. А валенки с тех пор остались лежать и ждать своего часа. Дождались. На голову натянул ушанку, обвязав её на подбородке, а на лицо накрутил шарф, подобно нашему почтальону. Пока одевался, начал потеть. Вот она, старость: пока соберёшься — семь потов сойдёт, а выйдешь — и замёрзнешь через минуту.

На выходе из подъезда встретил Шуру. По его внешнему виду можно было подумать, что холод ему неподвластен. Лёгкая куртка, всё тот же комбинезон, шапка на затылке и, конечно, сигарета в зубах, дым которой смешивался с паром и окутывал всё вокруг.

— Отец родной! Я даже не узнал! — ухмыльнулся он.
— И тебе не хворать, — кивнул я.

Мы вышли из подъезда вместе, и пока шли — я в сторону остановки, Шура по заявке, — он успел мне пожаловаться буквально на всё: на погоду, на работу, на телевизор и даже на свои инструменты. Он рассказал, что из-за скачка температуры коммуникации в домах нашей округи, а это были дома крайне старые, нещадно выходили из строя. Вентили текли, трубы лопались, а на участок Шура был одним мастером. Сменщик заболел, вот Шура и работал с утра до вечера. Я слушал и думал: вот человек, у которого работы теперь не меньше, а больше, и он ещё находит силы шутить. Может, в этом и есть секрет — не столько в запасах, сколько в том, чтобы быть нужным. Мы разошлись у светофора.

На остановке было очень много народу. Не припоминаю столько. И это при том, что на дистант перевели не только учащихся, но даже тех, кто работал, если это было возможно. Пока стоял, смотрел на наши дома. На миг я вспомнил день своего переезда. Представь: край города, рельсы, электрички, промзона. Казалось бы, дальше уже лес и сады. Ан нет! Через склады тянулась дорога на конечную маршрута номер тридцать, а вокруг этой конечной — пять трёхэтажек. Две из которых сейчас уже снесли. Ещё одну признали аварийной и жильцов готовили к расселению. Но я прекрасно видел рекламы о строительстве чудесного «эко» района, который должен здесь появиться через несколько лет. Прямо на месте наших домов. Не могу сказать, что я врос в дом, что готов был идти на митинг или в администрацию. Скорее наоборот. Где-то в глубине души я ждал этого момента и надеялся, что мне дадут не компенсацию, а возможность выбрать квартиру в этом новом ЖК. Я был согласен даже вместо своей двухкомнатной на однушку. Когда я переезжал, я ещё тешил надежду на то, что у меня будет семья. Ладно, хватит о прошлом.

Люди на остановке были недовольны. Кто-то вызывал такси — непозволительную для пенсионеров роскошь, кто-то ворчал, что стоит здесь уже почти час. Единственный автобус ходил с интервалом около получаса, и я был искренне удивлён, почему люди не хотят раскрыть глаза и сделать скидку на погодные условия. Я простоял около пятнадцати минут и за это время обратил внимание, что машин было мало. У нас улица тупиковая, бешеного трафика никогда не было, но и из дворов почти никто не выезжал.

Вскоре на горизонте появилась зелёная гармошка. Автобус не ехал, а буквально плыл нам навстречу, разгребая снег бампером, буксуя и оставляя за собой глубокую траншею. Двери открылись, и начался штурм. Люди ломились в надежде не просто сесть, а хотя бы влезть. Шапито длилось около десяти минут. Мы утрамбовались, как селёдки в бочке. Водитель закрыл двери и несколько минут шлифовал на месте, но всё же смог тронуться.

— Передаём за проезд!

Этот крик кондуктора, пожилой женщины, разглядывающей салон со своего трона, выглядел как насмешка. Я стоял в таком положении, что не мог дотянуться рукой до собственного кармана. Деньги для своей закупки я заблаговременно положил в нагрудный карман кофты. Так я мог их чувствовать, а чтобы достать их, нужно было стянуть с меня шарф и расстегнуть куртку. Сделать незаметно — невозможно. Мы ехали крайне медленно, чуть быстрее скорости пешеходов, но, судя по вибрациям колёс и рёву двигателя, колёса крутились на полную. Что ж, главное — я ехал, а из-за толпы в автобусе быстро надышали, и было тепло.

Я стоял, зажатый с одной стороны толпой, а с другой — дверями. Ехать мне две остановки, и как я буду добираться обратно, ещё и с пакетами, я не понимал. На следующей остановке толпился народ. Автобус с трудом открыл двери, я балансировал на грани, вцепившись в поручень, чувствуя, как давление толпы на меня, стоящего крайним, усиливалось. Почувствовал себя Атлантом, держащим небо. Люди на остановке начали ворчать, послышались выкрики: «Сколько можно уже?» и «Опять?». Двери закрылись. Никто не вышел, и никто не вошёл. На следующей остановке вышел только я и девушка из соседней двери, освободив место двум пассажирам с улицы.

На парковке несколько машин, а через большие окна, даже через иней, был виден зал. Магазин был полупустым.

— Тимофей Ильич? — послышался до боли знакомый голос с парковки.

Я обернулся. Около багажника старого джипа марки «Ниссан» копошился мужчина. Его лицо было знакомым. Я вгляделся, прищурив глаза, и улыбка сама появилась на лице. Это был Валера — мастер с моего бывшего завода. Мы вполне сносно общались.

— Валера? Здравствуй! Как ты вообще узнал меня в таком наряде? — я стянул варежку и крепко пожал его холодную руку.

— У меня сын давно играет в игру такую дурацкую на телефоне, там что-то про цветочки и зомби. Так вот ваша походка, ну один в один. Не меняется.

Он спародировал. Действительно похоже. Мы рассмеялись. Валера рассказал, что он приехал на закупку продуктов, и предложил меня довезти до дома. Это была тройная удача. Обратный путь в хорошей компании, отпала проблема автобуса и появилась возможность купить намного больше, чем я планировал. Валера только приехал, и в магазин мы зашли вместе, условившись встретиться на выходе.

Следующий сюрприз ждал меня в магазине. Полки были полупустые. Пятнами, как жираф. Что-то было, а чего-то нет. Я мысленно приготовился корректировать свой список на ходу, но этого не потребовалось. Когда я подошёл к кассе, тележка наполнилась с горой, а управлять ей в валенках по влажному от тающего снега скользкому полу было не просто затруднительно, а травмоопасно. Когда кассирша пробивала товары, было видно, как она сдерживается, чтобы не пошутить, но всё же не решилась. Я потратил пятьдесят шесть тысяч. Меньше, чем планировал, но на бумаге список был невесом, а в реальной жизни это целая гора продуктов, весом в три раза больше меня самого. Валера, в отличие от продавщицы, за словом в карман не полез, щедро осыпав меня шутками и подколами с ног до головы.

Из-за снега тележка решительно отказывалась ехать дальше крыльца. Валера подогнал машину, и мы забили его салон и багажник моими коробками и пакетами до потолка. На фоне моей закупки два его пакета выглядели весьма комично. В салоне было тепло. Обратно мы ехали уверенно. Большие шипованные колёса, полный привод. Старый джип уверенно грёб, не чувствуя преград. Я ехал и вспоминал, как в девяносто пятом году решил отучиться на права и купить машину. Я никому про это не рассказывал, да и, по правде говоря, рассказывать было и некому. Поэтому напишу тут. Я с рождения косолапый и действительно волочу ноги. Валера не зря пошутил на этот счёт, но в обычной жизни мне это не мешало. А вот за рулём ездить я не смог именно по этой причине, только узнал я об этом уже на практическом вождении. Моя левая нога при попытке выжать сцепление либо задевала тормоз, не давая возможности тронуться, либо, если я смещал её левее, попросту соскальзывала, и машина глохла. Да и с правой ногой ситуация оказалась не лучше. Инструктор тогда отшутился, что мой организм

не создан для вождения, и удивился, как я прошёл медкомиссию. Так мир автомобилистов закрылся для меня, так и не открывшись.

Валера припарковался у подъезда, посмотрел на багажник, на меня, ещё раз на багажник и молча взял коробки. Мы носили вдвоём, сделав около пяти ходок. Я мысленно надеялся не встретить никого из соседей, чтобы избежать разговоров типа «Ильич умом тронулся». Мне повезло. Из соседей я встретил только Макрона, но он не особо болтливый. Не расскажет. В крайнем случае дам ему взятку в виде кильки. Я поблагодарил Валеру и насильно, по-отцовски, со словами «у тебя семья», сунул ему пару тысяч в карман. Дома переоделся: ноги гудели, спину тянуло, но нужно было разобрать продукты. Освободить место и убрать наконец-то эту лодку, чтобы не дразнила меня своим видом, чертовка.

Возился я с этим занятием крайне долго, решив определить припасы, коих вышло очень много, в своей спальне. Кстати, я ведь не рассказывал тебе о своей планировке. Сейчас это нужно просто так, а потом ты поймёшь, зачем я решил вспомнить об этом сейчас. Так вот, квартира моя от входной двери представляет собой узкий прямой коридор. Первый поворот направо скрывает за собой совмещённый санузел и небольшую кухню со старым, вечно гудящим, но работающим холодильником, небольшим столом, на котором я и готовил, и ел, табуреткой и газовой плитой. Следующая по коридору была гостиная, в которой не бывает гостей, такой вот парадокс. В ней у меня старый шифоньер с вещами, книгами и документами, воздушный диван, в котором можно было утонуть. Я несколько раз пожалел, что послушал продавца и его байки про облачко. Никаким облачком тут и не пахло. Скорее болотом, топью, которая каждый раз поглощала меня в свои недра, но я уже привык. У стены в одном углу, напротив дивана, — журнальный столик с телевизором и домашним телефоном, а в другом углу был аккуратно сложен мой туристический скарб. Последней комнатой была спальня. Небольшая и спартанская. Кровать и прикроватная тумба. Всё.

Большую часть времени я проводил в гостиной, и загромождать её ещё и запасами, которые разложить на крошечной кухне было невозможно, я не видел смысла, а вот в спальне места было хоть отбавляй. Вдоль стены выросли ряды с картонными коробками. Я подписал каждую, что где лежит. Провозился несколько часов. Близился обед, но я так не любил откладывать дела. Одна мысль о том, что после обеда надо закрыть вопрос с лодкой, заставляла меня нервно подёргиваться. Спускать её я не любил ещё больше, чем накачивать. Это была самая неприятная часть, которая непременно отделяла меня от плавания. Нажимать ногой на насос-лягушку ещё ничего, а вот ползать по лодке, выдавливая коленями воздух, а руками в этот момент сворачивая её и подгоняя под размер брезентового чехла, — занятие не для человека моего возраста.

Вспомнил! Я же не рассказал, как эта лодка у меня появилась и как я её чуть не выбросил в первый же день! Идея покупки небольшой лодки плотно засела у меня в голове, а после посещения «Туриста» усилилась. Покупать большую и тяжёлую лодку я не хотел. Несколько недель подряд я ездил по магазинам и рынкам, но продавцы словно сговорились. Менялись места и лица, а товар был один и тот же. И вот, когда я уже отказался от этой идеи и начал забывать о том, что вообще такая мысль у меня была, я увидел её — ярко-оранжевую ракету.

Сижу я, значит, на обеде, на работе, читаю газету, коих у нас обычно было навалом, и вижу на последней странице, в разделе объявлений, дедушку. Он в рыбацком жилете, весь увешанный снастями, держит в руках лодку. Небольшую, метра в длину и в ширину полметра от силы. В объявлении он за лодку просил всего пять тысяч, утверждал, что лодка в хорошем состоянии, а в комплекте вёсла и сумка-чехол с ручками для переноски. Сейчас, спустя время, рациональная часть меня заподозрила бы неладное, но тогда мозг отключился. Я позвонил ему и уже вечером стоял на пороге старенькой пятиэтажки на улице Первомайской, на другом конце города. Дедушка рассказал, что продаёт её из-за грыжи. Теперь ему и такая лёгкая ноша не по силам, а рыбалка только с берега. Мы развернули лодку, выглядела она нормально, но

проверить не получилось. Насос сломался ещё в том году, а вёсла оказались самодельными, из толстенных и необработанных черенков. От них я отказался. Главное — лодка и сумка действительно были, и цена реальна. Не веря своему счастью, на дурака предложил сбросить ещё тысячу. Дед махнул рукой и сказал: «Забирай».

Когда я сидел в автобусе по дороге домой, у других пассажиров могло сложиться впечатление, что автобус везёт меня прямиком в дурку, но я молчал и смотрел в окно с натянутой улыбкой — не от помутнения рассудка, а скорее наоборот. Я мысленно планировал свою первую рыбалку с лодки. В ближайшую субботу, рано утром, я ходил по магазину «Турист». Сегодня был Рыжик, а значит, я мог рассчитывать на реальную помощь. Я поздоровался, сказал, что мне нужны вёсла и насос. Рыжик искренне поздравил меня с покупкой лодки, после чего крайне настойчиво предложил жилет, бечёвку и комплект заплаток. Покупать всё это я не планировал, но его аргументы о безопасности и рисках прокола показались крайне убедительными. Я ушёл домой, не понимая: он такой хороший продавец или это была искренняя забота. В конце концов, купил-то я сам. Значит, я умный или дурак. Хотя одно другому не мешает. В шестьдесят лет с лишним ни котёнка, ни ребёнка, зато лодку купил. Как это называется? Для меня — счастье, а ты для себя сам реши.

Едва придя домой, я начал накачивать лодку насосом. В первый раз получалось неуклюже и долго, но чем больше яркий палас расправлялся на полу, тем интенсивнее я давил ногой. Когда лодка накачалась, я посидел в ней, подавил руками. Как их проверяют — я не знал. Надулась? Надулась. Держит? Держит. Вёсла подошли. Решено. Завтра утром отправляюсь на рыбалку.

Из моих воспоминаний меня вернул в реальность крик с лестничной клетки. Протяжный, высокий. Он проник в квартиру через щели и заставил меня вздрогнуть. Обычно в подъезде было тихо. Даже Аня в последнее время не водила гостей. Я подошёл к двери и посмотрел в глазок. На лестничной клетке было тихо и пусто. Интерес взял верх, и я открыл дверь, подошёл к лестничному проёму и выглянул вниз. Оттуда на меня смотрело лицо Вани.

— Ты чего орёшь как резаный? — возмутился я.
— Это не я, — Ваня покачал головой, а его взгляд был крайне честным.
— А кто? Я?

Я уже не слушал Ваню. Мои уши услышали тихий журчащий звук между этажами. Он исходил от батареи. Через стык на пол капала тёмная вода. Её было почти не видно и не слышно, и, если бы не пар, в который она превращалась, я бы не сразу это заметил. Ваня заметил это тоже. Мы стояли перед батареей плечом к плечу, не зная, что делать, а потом почти синхронно повернули головы лицом к лицу и пошли к Шуре. Точно! Как можно было забыть, что единственный мастер на округу был по совместительству нашим соседом. Несмотря на раннее время, мы застали Шуру дома, всё в том же наряде и с сигаретой в зубах. Он открыл нам с чугунной сковородкой в руках и яичницей из пяти яиц.

— О! — воскликнул он, широко открыв рот, чуть не выронив сигарету от удивления.
— Привет, Шура, — кивнул я. — У нас на этаже батарея потекла, будь другом, глянь.

Шура унёс сковородку, взял чемодан с инструментами и прямо в тапочках пошлёпал следом, бормоча что-то про «только домой пришёл» и «пожрать не дадут». Бросив взгляд на протечку, он молча кивнул, разложил инструменты прямо на пол, после чего начал ремонт. В начале мне показалось, что стало хуже. Капающий ручеёк начал усиливаться, но очень быстро перестал идти, оставив на память о себе лишь небольшую грязную и плохо пахнущую лужу.

Шура ушёл обедать, а Ваня пошёл за тряпкой. Молча, как будто так и надо. Меня это устроило, и я вернулся домой.

Поужинал на скорую руку, силы окончательно меня покидали. С чаем и пригоршней изюма я буквально рухнул на диван, включая телевизор. Не сразу понял, что сел в какую-то лужу. Мокро. Ну мокро! Прямо булькает что-то подо мной. Я встал, посмотрел на диван. Там была большая лужа. Одновременно с этим какая-то тень мелькнула в сторону. Это был Макрон, и тут всё встало на свои места. Кот часто спал зимой под тёплой батареей, по-видимому, ошпарился, напугался и заорал. Именно этот крик я и слышал. Кот никогда раньше не заходил в квартиры, боялся, но сейчас забился под шифоньер и жалобно смотрел на меня. Проверять, есть ли у него ожоги, я не умел. Внешне он выглядел как и всегда.

— Ну и что с тобой делать? — спросил я, накидывая газеты на диван.
— Мяу, — слегка требовательно и жалостливо ответил кот.

Я посмотрел на него, что-то пробормотал себе под нос и пошёл варить спагетти. Миску с макаронами я поставил прямо перед мордой гостя, заставив того вздрогнуть от неожиданности, но, увидев лакомство, он без лишних благодарностей принялся его подъедать. Я сел смотреть телевизор под звуки чавканья, доносившиеся от шифоньера. По телевизору шёл местный новостной сюжет. В студии сидел кто-то из депутатов и отчаянно пытался оправдать плохую уборку и вывоз снега. Всё это переплеталось с кадрами заснеженного города. Даже центр, который, как лицо, убирали в первую очередь, буквально тонул под белым покровом. Снег, к слову, не прекращался все эти дни, то усиливаясь, то ослабляя хватку. Говорили про массовые аварии, трубы не справлялись с перепадом. Были и перебои со светом. Я сидел, смотрел, слушал и сам не заметил, как уголки рта начали опускаться. Сходил в ванную, проверил воду. Всё на месте: и горячая, и холодная. Как часто бывает, пока что-то не коснулось лично тебя, а происходит где-то на экране телевизора, то это и не ощущается вовсе. Я помню и ранние, и снежные зимы, и минус сорок, но чтобы на этом так сильно акцентировали внимание… Такого я не помню. По нескольким каналам шли сюжеты про заснеженный мир, ничего нового. Я переключил на сериал и перевёл взгляд на гостя, который доел спагетти и крайне бесцеремонно уснул, положив морду на миску. Я что-то пробормотал себе под нос и сам тоже пошёл спать.

Неделя прошла так, что я и не заметил, как она прошла. Дни сделались одинаковыми, как валенки в паре: встаёшь, смотришь на градусник, записываешь цифру в блокнот, пьёшь чай, смотришь в окно, слушаешь, как гудит батарея, и ждёшь, когда стемнеет. А темнело теперь рано. Температура падала постепенно, но неуклонно: минус тридцать шесть, минус тридцать семь, минус тридцать восемь, а к середине сентября установилась на минус тридцати девяти и держалась там, как приклеенная. Я сначала ждал, что она хоть на градус отступит, потом перестал ждать. В блокноте моём появилась ровная колонка одинаковых цифр, и я, глядя на неё, почему-то вспомнил заводские сводки, которые мы вели в цеху: день, смена, выработка. Только там выработка росла, а тут — холод.

К концу недели я обнаружил, что консервы и крупы — это, конечно, припасы вдолгую, но есть же хочется и чего-то другого. Организм мой, видимо, тоже это понимал и требовал яиц, фарша и сыра. Я составил коротенький список — яйца, фарш, сыр, — и в одно утро, одевшись по всей своей луковичной системе, выполз из подъезда. Идти было тяжело. Снега навалило по колено, а местами и выше, и я шёл, высоко поднимая валенки, как цапля по болоту, и оставлял за собой глубокую борозду. Двор был пуст. Детей, которые ещё неделю назад лепили снеговиков и катались с горки, не было ни одного. Прохожих тоже почти не встречалось, а те, кто попадался, шли быстро, низко опустив головы, замотанные в шарфы, и не здоровались. Я их понимал. Какое уж тут «здравствуйте», когда у тебя на ресницах иней.

В магазине полки были полупустые — не то что в первый мой поход, когда они ещё пятнами стояли, а именно полупустые, с редкими островками товара. Яйца я не нашёл. Сыра тоже не было. Фарша, впрочем, тоже. Я походил между рядами, посмотрел на ценники, которые остались от товара, которого уже нет, и в последний момент, у самого выхода, увидел в морозильной камере замороженные тушки курицы. Стоял, думал. Взял одну. Потом подумал и взял вторую. Потом махнул рукой и взял третью. Крупы, слава богу, ещё были, и я добрал гречки, риса и макарон, сколько унёс. Обратно шёл той же цаплей, только теперь ещё и с пакетами, и валенки мои скользили, и снег набивался в голенища, и я думал только об одном: дойти до подъезда и закрыть за собой дверь. Дошёл. Дверь закрыл. И только тогда выдохнул.

Дома я первым делом сел отогреваться. Руки не слушались, лицо горело, а в голове была одна мысль: чай. Пока чайник грелся, я покормил кота. Того самого, который у меня остался. Хотя нет, неправильно я говорю: он не остался жить. Он просто тут находился. Так я решил, и он, по всей видимости, решил так же. Я несколько раз открывал дверь и говорил ему: «Можешь идти». Он не ушёл. Сидел на пороге, смотрел на меня своими жёлтыми глазами и не уходил. Ну и ладно. Пусть находится. Я не против. Он мне не мешает, а иногда даже и разговаривает — мяукает что-то своё, кошачье, а я ему отвечаю. В доме хоть какой-то звук.

По телевизору сказали, что на нас движется циклон. Я даже ложку отложил, честное слово. Какой циклон? И так метёт, и холодина такая, что зубы ломит, а тут ещё и циклон. Я сидел и думал: интересно, а что будет, когда он дойдёт? Мне почему-то представилось, что станет ещё холоднее, хотя куда уж. Но потом я посмотрел на градусник за окном, на минус тридцать девять, и решил: будь что будет. Мы люди маленькие, от циклона не убежим. Разве что в лодку сядем и поплывём, но река-то, поди, тоже встала.

По дому я теперь ходил не раздеваясь: трико, кофта, шерстяные носки. Батареи шпарили, но квартира моя всё равно держала тепло с трудом. А наглый Макрон спал на диване, растянувшись, как хозяин. К тёплой батарее он подходить боялся — видимо, с того самого ожога так и не оправился. Так и жил: днём на диване, ночью на диване, а батарея стоит себе, гудит, и никто к ней не подходит. Я смотрел на него и думал: вот, казалось бы, кот, а устроился лучше меня. У него и тепло, и еда, и диван, а у меня — блокнот с цифрами да циклон в новостях. Но я на него не в обиде. Честное слово, не в обиде. В конце концов, кто ещё со мной в этой квартире разговаривает?

Глава 3. Самый холодный октябрь в жизни

Утром очередного дня, когда градусник за окном держал уверенные минус сорок два, я собрался в магазин. За всё время это был мой третий выход. Я по-прежнему не трогал свои запасы — они лежали в спальне, подписанные, уложенные, и я на них только поглядывал, как на неприкосновенный фонд. Пока одевался, заметил, что с каждым моим последующим выходом у меня непременно добавлялся новый слой одежды. Вот сейчас, например, я откопал флисовую балаклаву, купленную для той самой зимней рыбалки. Она была тёплая, но не толстая. Небольшой вырез для глаз держал всё лицо в тепле. То, что нужно. На ногах валенки, на руках толстые широкие рукавицы, а на спине рюкзак, чтобы можно было прятать руки в карманы. Макрон с важным видом проводил меня, попросив купить что-то себе. Я сначала отмахнулся, но уже в последний момент, закрывая дверь, буркнул, мол, посмотрю.

На втором этаже встретил Вову. Он утеплял окно на этаже.

— Здрасьте, Тимофей Ильич, — кивнул он.

— Здрасьте, — на автомате ответил я.

— Вы куда? — спросил он. Терпеть не люблю, когда в мою жизнь пытаются влезть.

— В магазин, — сухо ответил я.

— Вы интернет не читаете?

Он и ещё что-то говорил мне вслед, но смысла в этом пустом разговоре я не видел. Сегодня у меня был большой список, и я хотел побыстрее вернуться. Улица встретила меня белым, пустотой и ветром, от которого глаза сами сузились в две полосочки. Решил идти в наш «шарашкин» магазин. Слой снега подсказывал мне, что автобуса я не дождусь. Остановка, та самая, с которой я протискивался в автобус, была пустой.

Я дошёл до нашего магазина, но он был закрыт. Ни табличек, ни записок. Просто закрыт, и всё тебе, и это несмотря на часы работы. Помню, как выругался себе под нос и поплёлся в сетевой. Шёл по чьим-то следам, а потому было не так тяжело. Когда я выбрался из нашего закутка к цивилизации и увидел людей, мысленно выдохнул. Тут, в отличие от нашего отшиба, кипела жизнь, если так можно было назвать редких прохожих, пару проехавших машин и трамвай, который уверенно разгребал снег своей железной юбкой.

Свет в магазине горел, у входа сидел охранник, казалось бы, всё хорошо. Дёрнул ручку — закрыто. Охранник повернулся, посмотрел на меня и постучал антенной рации по стеклу, куда-то указывая, а указывал он на новый график работы магазина: суббота, с десяти до шестнадцати. Я аж поморщился. Один день в неделю? Всего шесть часов? Ерунда какая-то. На мою просьбу открыть он только отмахнулся, продолжив о чём-то говорить с продавцами, и только сейчас я заметил полки. Они были полностью пустыми. Продавцы выставляли скупые остатки из коробок на полки, но это была капля в море, которая растворялась и была почти незаметна. Сегодня была среда. Я выругался себе под нос и пошёл домой.

Домой я добрался уже в сумерках. Дорога обратно показалась вдвое длиннее: ветер дул в лицо, следы, по которым я так удачно шёл туда, замело, и я снова шёл цаплей, высоко поднимая валенки. В подъезде было тепло, но не настолько, чтобы я сразу расстегнулся. Я поднялся на свой этаж, открыл дверь и первым делом услышал, как Макрон требует отчёта. Мяукал он коротко, требовательно, как будто спрашивал: «Ну что, купил?» Я развёл руками. Купить я ничего не купил. Магазин закрыт, полки пустые, график — суббота. Кот посмотрел на меня с укором, развернулся и пошёл на диван, всем своим видом показывая, что разочарован. Я снял с себя всё, что можно было снять, и сел отогреваться.

Тут я, пожалуй, сделаю отступление и скажу вот что. Пока шёл туда и обратно, я всё думал про этот график: суббота, с десяти до шестнадцати. Шесть часов в неделю. Это же не магазин, это касса взаимопомощи какая-то. И ведь не написали, почему так. Не написали, что товар не завозят, что поставок нет, что склады пустые. Просто новый график — и всё. Как будто так и надо. Как будто мы все теперь живём по субботам, с десяти до шестнадцати. Я, признаться, в тот момент даже обрадовался, что у меня есть запасы. Не потому, что я такой умный, а потому, что мне стало страшно от мысли, что я могу оказаться в положении тех, кто сегодня стоял у закрытых дверей и смотрел на пустые полки. А ведь стояли, я видел. Человек пять, не больше, но стояли. Молчали, смотрели и уходили. И я ушёл вместе с ними.

Вечером я пил чай с изюмом и слушал, как за окном воет ветер. По телевизору снова говорили про циклон, про аномальные холода, про то, что коммунальные службы работают в усиленном режиме. Я слушал и думал: вот я, старик, сижу в своей квартире, у меня есть запасы, есть кот, есть обогреватель и есть блокнот с цифрами. А что у тех, кто стоял сегодня у магазина? У них, может, ничего нет. И тут мне впервые за все эти дни стало не по себе. Не за себя — за них. За Аню с её дьяволёнком, за Шуру, который целыми днями чинит чужие трубы, за Вову с Ваней, за Лиса, который всё крадётся куда-то вдоль домов. Мы ведь все в одном доме живём. И пока что каждый выживает как может. Но долго ли так протянем?

Неделя эта прошла у меня в каком-то странном полусне. Я почти не выходил из дома. Сначала отлёживался после похода в магазин, потом просто перестал находить причину выходить. Ну а куда идти? Магазин закрыт, на улице минус сорок два, ветер такой, что валенки не спасают, а снег всё валит и валит, и ему, кажется, нет ни конца ни края. Я сидел дома, и

дни мои слились в один длинный серый день, в котором не было ничего, кроме чая, батареи и телевизора. И ещё морозилки. Я решил её опустошить. Ел понемногу, но каждый день: доставал из морозилки пакет с ягодами, варил компот, размораживал курицу, тушил её с картошкой, доедал остатки летних заготовок. И каждый раз, глядя на пустеющую морозилку, думал: ничего, у меня есть коробки в спальне. Коробки я не трогал. Они стояли рядами, подписанные моей рукой, и я на них только поглядывал, как на неприкосновенный запас.

В субботу я решил в магазин не идти. Вот честно: собрался, оделся, даже балаклаву свою нашёл, а потом постоял у двери и подумал — а ну его. В субботу, когда магазин открыт с десяти до шестнадцати, туда весь квартал попрёт. Народ у нас не злой, но когда дело касается еды, а еды нет, люди делаются другими. Я представил себе эту давку, это столпотворение, эти очереди, и мне стало душно. Я решил немного переждать. Запасы у меня были, не трогал я их, но они были, и это давало мне право не лезть в эту толчею. Я снял с себя всё, что надел, повесил обратно, и сел к телевизору. Как оказалось, вовремя сел.

По новостям говорили про приостановку работы учреждений и организаций. Диктор — женщина с гладкой причёской и каменным лицом — читала с листа, ровно, без всякой там паники, как будто сообщала о погоде: с понедельника приостанавливается работа ряда учреждений и организаций, всех, кого можно, рекомендуют вывести на удалёнку, тех, кого невозможно, отправляют в отпуск с частичной компенсацией. Потом пошли рекомендации. Людям советуют сделать длительные запасы еды со сроком длительного хранения и медикаментов. Я хмыкнул. Надо же, дожили. Мне, старику, это говорят, а я эту истину с детства знаю: если зима длинная, а магазин далеко, то запасы — это не паника, это здравый смысл. Потом сказали, что из-за вставшей логистики магазины переходят на свободный график — каждый выбирает его сам. Тут я хмыкнул второй раз, уже с сарказмом, и сказал вслух: «Ага, свободный. Я уже видел ваш свободный — суббота с десяти до шестнадцати». Телевизор, конечно, не ответил, но я на него и не рассчитывал. Дальше диктор слегка наивно попросила не поднимать панику: это всего лишь зима. Я чуть чаем не поперхнулся. Всего лишь зима. Зима, которая идёт уже несколько недель без остановки, средняя температура минус сорок шесть, снег по крышу, и это, по их мнению, «всего лишь зима». Главная трудность, сказали, не в температуре, а в снеге. Ну да. Ну да. Снег, который идёт несколько недель без остановки, — это, конечно, трудность. А то, что у людей морозилки опустели и магазины закрыты, — это так, мелочь.

Я переключил на другой канал. Там говорили о прекращении работы аэропортов по всему миру. По всему миру, ты представляешь? Не в нашем городе, не в области, а по всему миру. Поезда тоже встали. С завтрашнего дня перекрываются трассы. Я слушал и чувствовал, как у меня холодеет не от мороза, а от того, что я слышу. Аэропорты, поезда, трассы — это же не просто слова. Это значит, что мир, который и так сжался до размеров моего двора, теперь сожмётся ещё сильнее. Останутся дом, подъезд, магазин и вот эта комната с телевизором.

Третий канал добил меня окончательно. Вводятся талоны на закупку с указанием допустимого объёма закупки. Талоны электронные, их оформляют граждане на новом специально созданном продовольственном портале. Код надо показывать на кассе при оплате. Я слушал и не верил своим ушам. Портал. Код. Касса. А как же те, у кого нет интернета? Как же бабульки из нашего дома, которые до сих пор верят, что телефон нужен только для того, чтобы звонить, а компьютер — это такая штука, на которой печатают? Я представил себе нашу бабульку с цветами у подъезда, которая стоит перед кассой и не знает, что показать, потому что ей никто не объяснил, как этот код получить. И тут же, как назло, сказали, что антимонопольная служба даёт магазинам право временно устанавливать свои цены на продукты. Свои цены. То есть цены теперь будут лететь в космос, а ты стой и показывай код, и радуйся, что вообще что-то купил. Я не выдержал и выругался вслух. Нас буквально запирают и сажают на домашний арест, ещё и поводок продуктовый накидывают. И ведь самое обидное — большое количество стариков не смогут оформить себе ничего в этих интернетах. У них ни смартфонов, ни компьютеров,

ни навыков. Им что теперь, с голоду помирать? Меня это сильно разозлило. Я сидел, смотрел в телевизор и чувствовал, как во мне поднимается что-то злое, старое, заводское. Я всю жизнь работал, платил налоги, а теперь мне говорят: оформи талон на портале. Я выключил телевизор. Резко, с размаху, так что Макрон вздрогнул и посмотрел на меня с дивана. Он посмотрел, потом медленно, одобрительно кивнул, как будто сказал: «Правильно, старик, нечего эту чушь слушать». Я взял книгу — старую, про рыбалку, которую знал почти наизусть, — и стал читать вслух. Себе и коту. Он слушал. Лежал на диване, морду положил на лапы и слушал. Я читал про то, как ловить на живца, как ставить удочку, как ждать, и в комнате становилось тише, спокойнее. И в этот момент в дверь постучали.

Встал и с лёгкой настороженностью пошёл к двери. В глазке — очертание соседа. Юрий Владимирович редко заходил ко мне, как, собственно, и кто-то другой. Я открыл дверь, сухо пожал протянутую руку.

— Ну что, Ильич, — прокряхтел он своим низким басистым голосом, — смотрел новости?

— Смотрел, выключил уже, — отмахнулся я.

— Что делать думаешь?

— Ждать весны, — я пожал плечами. Для меня это был вопрос, который ответа не требовал.

— Поедешь куда-нибудь? Многие уезжать собираются…

— Куда я поеду? Тут мой дом. Жду весны, — ещё раз решительно повторил я.

Он помолчал, посопел, потом рассказал, что во вторник пойдёт в магазин за продуктами, но не в наш, который работал по субботам, а в другой сетевик, но чуть дальше. Предложил пойти мне за компанию. Предложение было интересным, к тому же Юрий Владимирович разобрался с кодами, выписал уже на себя и пообещал сделать мне — нужен был только паспорт. Человек он был порядочный, а потому я без каких-либо подозрений ему свой документ до вечера отдал, мысленно пробегаясь по холодильнику и своим остаткам. Тут я в очередной раз тебе добавлю, что к своим запасам, лежащим в спальне, так называемый «НЗ», я не прикасался и делать пока что этого не планировал. Мы перебросились ещё парой фраз, но наш разговор прервал щелчок. В моей прихожей, как и на лестничной клетке, погас свет. Сосед мой выглянул в лестничный проём вниз и отрицательно покачал головой. Света не было нигде в доме. Мы попрощались, и я вернулся к себе.

Домовой чат разрывался вопросами. Кто-то спрашивал, у всех ли нет света, кто-то ругал управляющую компанию, кто-то требовал срочно включить электричество, пока продукты в холодильнике портиться не начали, а кто-то язвительно предложил включить мозг, мол, балкон сейчас лучший бесплатный холодильник. Всю эту свистопляску отрезало сообщение старшей по дому, моей соседки и супруги Юрия Владимировича — Ольги Марковны. Она сообщила, что дозвонилась в управляющую компанию. Там ей сообщили, что из-за высокой нагрузки на сети электричество будут давать дозированно, несколько часов в день. График сейчас составляется и будет готов к вечеру. В ответ полетели вопросы, на которые у Ольги Марковны ответов не было.

Чат продолжил разрываться, заставив меня выключить звук. Я сидел и смотрел на экран, на то, как сообщения всплывают одно за другим, и чувствовал, как внутри у меня что-то медленно закипает. Вот оно, значит, как. Сначала новости, потом талоны, потом магазин по субботам, а теперь вот и свет по расписанию. Я, конечно, всё понимаю: сети, нагрузка, аварии. Но одно дело, когда тебе объясняют, что случилось, и совсем другое, когда тебе выдают график. График — это уже не авария. График — это когда решили, что так и надо. Я выключил телефон, положил его на стол экраном вниз и посидел немного в темноте. Темнота была не

полная: за окном снег отражал свет от фонарей, и в комнате было серо, сумрачно, как в кино перед самым интересным моментом. Макрон где-то в темноте мяукнул, и я ему ответил: «Да знаю я, знаю. Переживём».

Все, что я понял, — свет будет несколько часов в день. Из потерь в моём случае был только телевизор. Плита газовая, готовить можно. Вода, слава богу, была и холодная, и горячая, как и отопление. Я пошёл на кухню. Надо было разобрать холодильник. Сливочное масло, мясо, сосиски, сердечки и печень я вынес на балкон, аккуратно накрыв махровым полотенцем. Остатки фруктов и овощей выложил на подоконник. А вот сыр придётся утилизировать в себя. На балконе ему будет слишком холодно, а на подоконнике слишком жарко. Опустошив холодильник, я провёл пальцем по толстому слою льда в морозильном отделе, без сожалений выдернул его из розетки. Давно надо было разморозить его и помыть. Старался не унывать. Отсутствие электричества, в отличие от горячей воды и отопления, было ерундой.

Пока я возился с холодильником, в голове у меня крутилась одна и та же мысль, и я её гонял так и эдак, как гоняют во рту косточку от вишни. Мысли были невесёлые. Свет по графику — это ведь не просто неудобство. Это значит, что кто-то там, наверху, уже посчитал, что иначе нельзя. Посчитал, прикинул, составил график. А раз составил график, значит, думает, что так будет долго. Может, всю зиму. Может, дольше. Я вспомнил, как в девяностые мы тоже сидели без света, и ничего, выжили. Но тогда мы были моложе, и страна вокруг была другая, и надежда была другая. А сейчас мне шестьдесят семь, и надежды у меня — вот этот холодильник, который я размораживаю, да кот на диване. И ещё запасы в спальне, которые я не трогаю. Я на них, если честно, молюсь уже. Не в прямом смысле, конечно, но поглядываю на них с уважением, как на старых друзей, которые не подведут.

Посмотрел на время на телефоне. Один процент батареи. Это всё, что я успел увидеть. Я опять забыл зарядить его. Включил выключатели во всей квартире. Этакая сигнализация. Электричество дадут, свет загорится, и я увижу. Стоял потом посреди комнаты в темноте, слушал, как за окном воет ветер, как где-то в доме, на другом этаже, кто-то хлопнул дверью, как Макрон сопит на диване. И думал: ладно. Ладно. Переживём. Только бы вода не замёрзла. Только бы трубы не лопнули. Только бы Шура с его чемоданом был на месте. А там, глядишь, и весна. Ждать весны — это ведь не просто слова. Это план. Другого у меня всё равно нет.

Поели мы с котом. Я — курицу, которую разморозил ещё днём, потушил с луком и остатками крупы, что нашлись в шкафу. Кот — то, что от курицы осталось, то есть кожу, обрезки и немного бульона, который я ему вылил в ту же миску, из которой он ел спагетти. Он съел всё, вылизал миску до блеска, потом посмотрел на меня с таким видом, будто я ему должен, и отправился на диван — переваривать. Я убрал со стола, помыл посуду, вытер руки о полотенце и сел в кресло с книгой. Книга была старая, про рыбалку, я её знал почти наизусть, но такие книги тем и хороши: их можно читать не для того, чтобы узнать что-то новое, а для того, чтобы вспомнить что-то своё. Я открыл её на середине, нашёл место, где автор рассказывает, как ловил щуку на живца, и стал читать. Читал я недолго. Взгляд мой сам собой соскользнул со страницы, и я увидел лодку.

Она лежала в углу, ярко-оранжевая, с болотного цвета заплатками, и я вдруг понял, что так и не убрал её. Собирался, хотел, даже обещал себе, но так и не убрал. Сначала надеялся, что тепло вернётся, потом руки не доходили, потом начались все эти снега и морозы, и стало как-то не до лодки. И вот она лежала, дразнила меня своим видом, чертовка, и я, глядя на неё, почувствовал, как в груди у меня что-то ёкнуло. Не от злости. От воспоминания.

Первый мой заплыв. Я вспомнил его так ясно, как будто это было вчера. Собрал я тогда скарб: рюкзак, в нём бутерброды, термос с чаем, снасти, запасные носки, дождевик на всякий случай. Лодку в сумке-чехле на плечо — и на электричку. Расписание я знал наизусть, поэтому на платформе стоял заранее, за пятнадцать минут, и смотрел, как из-за поворота выплывает блекло-зелёная гармошка. Сел, пристроил лодку рядом, чтобы никто не наступил, и поехал.

Ехал я час, может, чуть больше, до первой попавшейся реки, которую выбрал по принципу «а почему бы и нет». Мне тогда казалось, что любая река — это приключение, а приключение — это то, чего мне не хватало всю жизнь на заводе, где всё было по расписанию, по сменам, по звонку.

Накачал лодку насосом-лягушкой. Ползал вокруг неё, давил ногой, как дурак, пока она не надулась до идеала — до такого, что на ощупь была как барабан. Оттащил к воде, забрался внутрь, оттолкнулся веслом от берега — и поплыл. И вот тут я почувствовал то, чего не чувствовал, наверное, лет тридцать. Щенячью радость. Да, именно так, не смейся. Я сидел в этой ярко-оранжевой посудине, глядел на воду, на берег, на небо, и у меня в глазах было столько восторга, сколько бывает у щенка, которого первый раз выпустили на улицу. Я грёб, я останавливался, я снова грёб, я смотрел на круги от весла и думал: господи, как же хорошо. Как же хорошо, что я это сделал. Как же хорошо, что я не послушал себя, старого, который говорил: куда тебе, сиди дома.

Потом я начал рыбачить. Забросил удочку, устроился поудобнее, достал термос и бутерброды. Перекус на воде — это, я тебе скажу, отдельное удовольствие. Чай из термоса почему-то кажется вкуснее, чем дома, а бутерброд с колбасой, который дома ты бы съел за две минуты и не заметил, на воде превращается в пир. Я жевал, смотрел на поплавок, слушал, как вода бьётся о борт, и был абсолютно, совершенно счастлив. Так прошло, наверное, часа два. И в какой-то момент я почувствовал, что что-то не так.

Лодка, накачанная до идеала, стала мягкой. Сначала я подумал: может, это воздух из-за холодной воды сжался? Я тогда ещё не знал, что так быть не должно. Ну, то есть я знал, что воздух сжимается, физику в институте учил, но чтобы вот так, за два часа, до мягкости — это мне в голову не пришло. Я решил, что недокачал, и продолжил рыбачить. А лодка спускала дальше. Сначала мягкой стала середина, потом борта, потом я заметил, что сижу как-то ниже, чем сидел раньше. Поплыл к берегу. Против течения. Плыл долго, грёб изо всех сил, а лодка всё больше и больше спускала, и когда я доплыл, борта уже понемногу черпали воду, а сам я сидел в луже. В луже, понимаешь? В лодке, которую я накачивал до барабана, я сидел в луже, как в тазике.

На берегу я её снова накачал, осмотрел со всех сторон, общупал каждый шов, и не нашёл прокола. Домой ехал злой. Сидел в электричке, смотрел в окно и думал: выброшу. Выброшу эту чёртову лодку, и дело с концом. Или поеду ругаться к деду, у которого купил, — скажу, что он мне продал брак, что это безобразие, что так нельзя. А потом передумал. Ну что я ему скажу? Что он продал брак? Так он сразу ответит, что это я её проколол. И будет прав, между прочим, потому что я сам не знаю, что там с ней случилось. Я же на ней по реке плавал, а не по паркету. Может, я её о корягу пропоров, а не заметил. Может, она с рождения была с дыркой, а я не проверил. Кто теперь разберёт? В общем, решил не выбрасывать. И вспомнил про заплатки, которые мне Рыжик продал, — тот самый комплект, который я покупать не планировал, но который он мне так настойчиво всучил. Вот, значит, зачем они мне понадобились. Не зря, выходит, купил.

Дома я ползал вокруг неё час с мыльной водой. Налил в таз воды, намылил губку и водил ею по всем баллонам, по всем швам, по всем закоулкам. И нашёл. Небольшую дырку на баллоне сбоку — маленькую, с булавочную головку, но нашёл. Заклеил по уму, как учили: обезжирил, намазал клеем, подождал, прижал заплатку, придавил чем-то тяжёлым и оставил на ночь. Утром проверил — всё было хорошо. Лодка держала. И я, глядя на неё, подумал: ну вот, а говорил — выброшу. Не выбросил. И правильно, что не выбросил. Потому что вещь, которая пережила с тобой прокол, лужу и злость, — это уже не просто вещь. Это почти друг.

Я сидел в кресле, держал книгу на коленях и смотрел на лодку, и в голове у меня крутились эти воспоминания, одно за другим, как кадры из старого фильма. И тут я подумал: а ведь тогда, на реке, я был счастлив. По-настоящему, без всяких там «но» и «если». А сейчас

я сижу в квартире, за окном минус сорок два, свет дают по графику, магазины закрыты, и я даже не знаю, выйду ли я ещё когда-нибудь на воду. И от этой мысли мне стало так тоскливо, что я закрыл книгу и пошёл спать.

Утром проснулся — света не было. Ну, то есть я и не ждал, что он будет, я же выключатели везде оставил включёнными, чтобы сигнализация работала. Проснулся, значит, в темноте, полежал немного, послушал, как Макрон сопит на диване, потом встал, прошлёпал на кухню, позавтракал тем, что осталось с вечера. И только я доел, только поставил чашку в раковину — как во всей квартире разом загорелись лампочки. Все, везде. Я аж вздрогнул от неожиданности. И первым делом, конечно, побежал ставить телефон на зарядку. Он у меня опять разрядился в ноль, я его опять забыл зарядить, и он лежал мёртвый, как кирпич. Включил в розетку, он задумался, показал мне пустую батарею, и зарядка началась. А через минуту, когда он набрал хоть сколько-то, я его включил и увидел в чате сообщение от Ольги Марковны.

Она написала, что нам будут давать электричество по воскресеньям, средам и пятницам, с десяти до четырнадцати часов. Я чуть не подавился от злости. Двенадцать часов в неделю. Двенадцать! Это же не электричество, это паёк. Я стоял и смотрел на эту цифру, и во мне всё кипело. Я, конечно, понимаю: сети, нагрузка, аварии, всё понимаю. Но одно дело, когда тебе говорят «света не будет, потому что авария», и совсем другое, когда тебе выдают расписание.

Я пошёл включить телевизор — на всех каналах были помехи. Снег, полосы, шипение, и сквозь это шипение иногда пробивались голоса, но разобрать что-либо было невозможно. На телефоне мессенджер более-менее работал, но интернет хоть и был, но сайты не загружал. Я знал, что в мессенджере есть новостные каналы, но читать новости и находить их я не умел. Ну то есть я знал, что они где-то там есть, но как их открыть, как подписаться, как найти — это для меня было тёмным лесом. Я потыкал пальцем в экран, поводил им туда-сюда, но ничего путного не нашёл и плюнул. Вместо этого включил радио. Через шипение, через треск, через вой поймал волну — и там как раз говорили про правила поведения при минусовых температурах. Потом рассказывали про безопасность дома: что есть мошенники, которые ходят по домам, представляясь сотрудниками МЧС, что МЧС так не делает и дверь открывать не нужно. Потом учили оказывать помощь при разных обморожениях — что делать с отмороженными пальцами, что делать с отмороженными щеками, что делать, если человек совсем замёрз. Я слушал это и чувствовал, как меня медленно, но верно вводит в уныние. Я хотел найти музыку, но музыки не было. Только эти голоса, ровные, спокойные, объясняющие, как не умереть. Я выключил радио, посидел немного в тишине и пошёл заниматься своими делами.

Так прошли ещё два дня. Два дня без света, с радио, с котом и с мыслями. И знаешь, что я тебе скажу? За эти два дня я с Макроном, кажется, перешёл на новый уровень отношений. Раньше он просто находился. Ну, то есть он жил у меня, я его кормил, он спал на диване, и мы оба делали вид, что это так и надо. А тут, без света, без телевизора, без всяких отвлекающих штук, мы с ним начали разговаривать. Я ему вслух рассказывал, что думаю про график электричества, про талоны, про магазин по субботам. Он слушал. Лежал на диване, морду положил на лапы, глаза прикрыл и слушал. Иногда мяукал в ответ — не перебивал, а именно отвечал, вставлял своё слово. И я, честное слово, стал ловить себя на том, что жду его ответа. Вот сижу, говорю ему: «Макрон, ну скажи, разве это дело — свет по расписанию?» А он мне: «Мяу». И я ему: «Вот и я говорю». И нам обоим хорошо. Один раз я даже поймал себя на том, что рассказываю ему про первую свою рыбалку, про лодку, про лужу, в которой сидел. Он слушал внимательно, не перебивал. Только когда я дошёл до момента, как я ползал с мыльной водой, он зевнул. Ну, зевнул и зевнул. Я на него не в обиде. Он же кот, ему про заплатки слушать неинтересно. Ему интересно про рыбу. А про рыбу я ему потом отдельно расскажу.

И вот утром вторника за мной зашёл Юрий Владимирович. Я открыл дверь и сначала даже не понял, кто это. Он был одет как шарик. Ну буквально: пуховик, поверх пуховика ещё какая-то куртка, шарф до глаз, шапка, капюшон, и в руках — сани. Санки, понимаешь? Детские

санки, на которых в моём детстве катались с горки. Он стоял с этими санками, весь круглый, как снеговик, и смотрел на меня из-за шарфа довольными глазами.

— Ну что, Ильич, — прогудел он из-под шарфа, — готов?
— К чему? — не понял я.
— В магазин. Во вторник же собирались. Ты что, забыл?

Я посмотрел на него, на его санки, на его шарообразную фигуру и вдруг понял, что забыл. Забыл, что мы собирались, забыл, что он мне паспорт обещал вернуть, забыл, что во вторник магазин. Вот что значит два дня без света и с котом.

— Погоди, — говорю, — я сейчас. Только оденусь.

И пошёл одеваться. А сам думал: ну, Юрий Владимирович, ну голова. Сани взял. Догадался. Я бы, наверное, не догадался. Я бы попёр всё на себе, как дурак, и надорвался бы по дороге. А он взял сани. И стоял теперь в моей прихожей, круглый, как шарик, с этими санками, и ждал, пока я натяну на себя свои слои. А за окном, я знал, минус сорок два. И магазин, в который мы шли, был не наш, который по субботам, а другой, дальше. И талоны, и коды, и очереди. И я, стоя в прихожей, натягивая на себя третий свитер, вдруг подумал: а ведь это, наверное, и есть моя новая жизнь. Не та, где я один с книжкой про рыбалку, а та, где я с Юрием Владимировичем и санками иду в дальний магазин по талонам в минус сорок два. И знаешь, что? Я не расстроился. Я даже, пожалуй, обрадовался. Потому что идти вдвоём — это всё-таки не одному. А с санками — это даже весело.

Глава 4. Новая реальность

Вышли мы из подъезда, и я сразу понял: легко не будет. Снега навалило столько, что двор наш, который я знал наизусть, каждый кустик, каждую кочку, каждый бугорок, превратился в белое море без берегов и ориентиров. Где была дорожка — не разобрать. Где была детская площадка — не разобрать. Где стояла та лавочка, на которой я летом отдыхал после магазина, — и её не разобрать. Всё сравнялось, всё укрылось, всё утонуло в этом снегу, и мы с Юрием Владимировичем стояли на пороге подъезда, как два капитана перед выходом в открытое море, и смотрели на это белое безмолвие.

Пошли. Первые шаги дались легко, потому что у подъезда снег был утоптан, но чем дальше мы отходили, тем тяжелее становилось. Снег был рыхлый и мягкий, как пух, но пух этот был коварный: он не держал, он проваливался, он засасывал валенки, и я шёл, высоко поднимая ноги, как цапля по болоту, и каждый шаг стоил мне усилия. Юрий Владимирович шёл впереди, и я видел только его спину и затылок в шапке — всё остальное скрывалось под снегом. Он буквально плыл, разгребая этот снег грудью, а за ним, привязанные к поясу, плыли его сани, оставляя за собой две неглубокие борозды. Я шёл следом, по его бороздам, и мне было чуть легче, но только чуть. Снег доходил мне до пояса, а местами и выше, и я иногда помогал себе руками, разгребая его перед собой, как собака, которая роет яму. Рукавицы мои намокли, валенки набились снегом, и я чувствовал, как холод подбирается к ногам, но останавливаться было нельзя. Остановишься — замёрзнешь.

Прохожих было мало, но они были. Кто-то, как и мы, плыл по этому снегу, тяжело, упрямо, низко опустив голову. Кто-то шёл на лыжах — я видел двоих, мужика и женщину, они скользили по снегу легко и даже как-то весело, и я им, честно говоря, позавидовал. А один раз мимо нас, там, где когда-то была дорога, пролетел снегоход на гусеницах, с надписью «МЧС» на борту. Он пролетел быстро, уверенно, разбрасывая снег в стороны, и я проводил его взглядом. МЧС, значит. Едут. Куда-то едут. К кому-то едут. А может, и к нам, если понадобится.

Хотя, если честно, я на это особо не рассчитывал. Сроки приезда экстренных служб, как сказали по телевизору, увеличиваются до суток. До суток, понимаешь? Это значит, что если тебе плохо станет, то ехать к тебе будут сутки. И доедут ли — ещё вопрос.

Магазин мы увидели издалека, и я сначала даже не понял, что это он. Он выглядел до жути странно. Снаружи он весь, включая окна, был обшит железными листами — ржавыми, разномастными, прикрученными как попало, но плотно, наглухо. Как будто кто-то взял и заколотил его от всего мира. Я стоял и смотрел на это, и в голове у меня было только одно слово: «крепость». Не магазин, а крепость. Мы подошли ближе, и я увидел, что у входа стоят железные бочки, в которых горят дрова. От них в потолок — то есть в небо — выведены трубы. Импровизированные, самодельные буржуйки. Над ними висел дым, густой, серый, и пахло гарью, и этот запах, смешанный с запахом снега и холода, был каким-то неправильным, чужим. Как будто мы попали не в магазин, а в партизанский отряд.

Зашли внутрь — и там толпа. Не очередь, не давка, а именно толпа, плотная, тёмная, молчаливая. Люди стояли плечом к плечу, в шубах, в пуховиках, в шапках, и от них шёл пар, и этот пар смешивался с дымом от буржуек, и в зале было мутно, как в бане. В рядах стояли сотрудники ЧОПа — но с автоматами. Не с дубинками, не с рациями, а с автоматами, настоящими, чёрными, и они смотрели на покупателей презрительно, свысока, как смотрят на скот. Я поймал один такой взгляд и поёжился. Не от холода. От этого взгляда.

Работала одна касса — на выходе, и очередь к ней вилась через весь зал, как змея. А на второй кассе, с ещё одним вооружённым охранником, сидел мужчина, и перед ним стояла табличка: «Пункт нефинансовой оплаты». Я сначала не понял, что это значит, а потом до меня дошло. Тут оценивают и берут в оплату украшения и ценности. Золото, серебро, кольца, серёжки, цепочки — всё, что у людей осталось от прошлой жизни, всё, что они хранили в шкатулках и передавали по наследству, теперь шло в оплату за хлеб и крупу.

Мы стали свидетелями нескольких конфликтов. Люди буквально готовы были драться за остатки еды на полках. Я видел, как двое мужиков схватились из-за последней банки тушёнки, как их растаскивали, как охрана бесцеремонно выталкивала кого-то из магазина, и этот кто-то кричал, и его крик тонул в общем гуле. Я видел, как женщина в пуховике плакала у оценщика, тихо, в шаль, потому что целую пригоршню золотых украшений с камнями оценили в десять тысяч рублей. Десять тысяч. За пригоршню золота. Я стоял и смотрел на это, и во мне что-то сжималось. Не от жадности, не от злости. От понимания, что мир, который я знал, кончился. Кончился не где-то там, в новостях, а вот здесь, в этом зале, где золото меняют на крупу, а хлеб стоит тысячу рублей.

Цены были ужасающие. Хлеб — тысяча рублей. Мясо, тушка курицы — пять тысяч. Консервы — по две тысячи. Крупы — по тысяче. Я ходил вдоль полок и чувствовал, как у меня холодеет внутри. Не от цен даже, а от того, как быстро всё это произошло. Ещё неделю назад я покупал курицу за триста рублей и ворчал, что дорого. А теперь пять тысяч — и это ещё если есть. К удивлению моему, алкоголь не сильно подорожал. Я смотрел на полки с бутылками и не понимал: почему? Почему хлеб — тысяча, а водка — как была? А потом посмотрел на корзины людей и всё понял. Почти у всех в корзине был алкоголь. У кого-то одна бутылка, у кого-то две, у кого-то больше. И Юрий Владимирович, стоя рядом, язвительно отметил:

— Алкоголь в холод — главный враг.

— Это почему же? — спросил я.

— Потому что согревает только на минуту, а потом забирает в три раза больше. Но люди этого не знают. Или знают, да пьют. От страха.

Мы купили пятую часть списка. Пятую часть, понимаешь? Я рассчитывал на большее, но когда я увидел цены, когда я увидел, как тают деньги в кармане, я понял: надо брать только

самое необходимое. К таким тратам мы не готовились. Никто не готовился. Мы стояли в очереди пять часов. Пять часов, в этом зале, среди толпы, среди дыма, среди автоматчиков, среди людей, которые меняли золото на крупу. Я за это время успел замёрзнуть, отогреться, снова замёрзнуть, проголодаться, устать и, честно говоря, немного озвереть. Юрий Владимирович стоял рядом, молчал, и только иногда поглядывал на часы. А когда мы наконец вышли из магазина, уже темнело.

Дорога обратно была ещё тяжелее. Мы шли по своим же следам, но снег уже начал заметать их, и идти было трудно, и сани Юрия Владимировича теперь были тяжёлые, с продуктами, и он тянул их за собой, и я видел, как ему тяжело. И тут мы увидели бедолагу. Он лежал в снегу, у самого края дороги, и сначала я подумал, что он пьяный. Ну, мало ли, идёт человек, устал, прилёг. Но что-то в его позе было не так. Слишком неподвижно. Слишком ровно. Мы подошли. Юрий Владимирович потрогал его за плечо, потом за шею. И покачал головой. Даже пульс щупать не нужно было. Он был холодный, белый и твёрдый как камень. Я стоял и смотрел на него, и в голове у меня было пусто. Ни страха, ни жалости, ни удивления. Просто пусто. Как будто я уже видел это, и не раз, и знал, что это теперь часть моей жизни. Мы пошли дальше. А что мы могли сделать? Вызвать МЧС? Так они через сутки приедут. И то не факт.

А потом нас попытались ограбить. На переезде, где был пустырь перед нашим домом. Трое. Двое с дубинками, один с какой-то доской, в которую были вбиты гвозди. Я сначала даже не понял, что происходит. Иду, смотрю под ноги, чтобы не упасть, и вдруг передо мной вырастают эти трое. И один говорит: «Мужики, давайте по-хорошему. Отдайте пакеты, и идите себе». И я стою, и думаю: господи, да что ж это такое. Мы только что видели труп, мы пять часов стояли в очереди, мы еле идём, а теперь ещё и это. И тут Юрий Владимирович сделал шаг вперёд. Я не видел, откуда он достал пистолет. Просто в какой-то момент он уже был у него в руке. Он поднял его вверх и выстрелил в воздух. Раз. И эти трое — их как ветром сдуло. Через секунду их уже не было.

Мы пошли дальше. Я молчал, потому что не знал, что сказать. А когда уже подходили к дому, Юрий Владимирович сказал:

— Только ты это. Не думай, что я герой. Это блеф был. Пистолет холостой, патроны строительные. Я его для отпугивания ношу. От собак.

Я остановился и посмотрел на него. А он смотрел на меня, и в глазах у него было что-то такое, что я не сразу понял. Смешинка. Настоящая, живая смешинка, как в старые времена.

— Блеф? — повторил я.
— Холостой, — кивнул он. — Но им-то откуда знать?

И мы пошли дальше. И я, честное слово, не знаю, что было смешнее: то, что нас чуть не ограбили, то, что мы отбились холостым пистолетом, или то, что я узнал об этом только дома. Мы разошлись раскладывать скудный улов. Я занёс свои пакеты, разулся, снял с себя всё, что можно было снять, и первым делом покормил Макрона, который встретил меня на пороге и смотрел на меня с таким видом, будто я его бросил на целый год. Потом разложил продукты, посмотрел на них и понял, что этого хватит ненадолго. Пятую часть списка…

Вечером пришла СМС от Ольги Марковны. Чат не работает, как и мессенджер. Завтра в десять утра общее собрание жильцов дома на втором этаже нашего подъезда, на лестничной клетке. Я прочитал это сообщение, отложил телефон и посидел немного, глядя в стену. Собрание. Значит, что-то решают. Значит, что-то происходит. И значит, завтра будет не просто среда. Завтра будет день, когда мы все, весь наш дом, соберёмся на лестничной клетке и будем решать, как жить дальше. Я поужинал, отогрелся, лёг спать и, засыпая, думал об этом

собрании. И знаешь, что я тебе скажу? Я почему-то был уверен, что завтра будет не легче. Завтра будет по-другому. Но легче — вряд ли.

Утром мы с Макроном позавтракали. Я — кашей, а кот — остатками макарон, которые я ему оставил с вечера. Он съел всё, вылизал миску, потом посмотрел на меня с таким видом, будто я ему должен, и отправился на диван — переваривать. А я посмотрел на часы, увидел, что до собрания осталось двадцать минут, и стал собираться. Пунктуальность — это, знаешь ли, последнее, что у меня осталось от заводской жизни. Пока работал, всё по звонку, по сменам, по расписанию, и привычка эта въелась в меня так, что я до сих пор, даже на пенсии, прихожу вовремя. Даже на собрание жильцов. Даже в такой день.

Спустился вниз без двух минут десять. На лестничной клетке второго этажа стоял шум и гам. Там были все. Ну, то есть все, кто остался. Я вышел из-за поворота и на миг остановился, потому что картина была непривычная: люди стояли плотно, плечом к плечу, в шубах и пуховиках, и от них шёл пар, и голоса их смешивались в один общий гул, в котором нельзя было разобрать ни слова. Они на миг затихли, когда в импровизированный круг вышла Ольга Марковна. Она была в пуховике, в шапке, в шарфе, и держала в руках листок бумаги, и вид у неё был деловой, как у секретаря на партсобрании.

Она начала оглашать проблемы. Электричество — раз. Места, где батареи требуют ремонта, — два. Очистка крыши от снега во избежание обрушения и течей — три. Крыша у нас ровная, не пологая, и снега на ней накопилось столько, что она могла не выдержать. Ольга Марковна говорила чётко, по пунктам, и я слушал её и думал: вот человек, который взял на себя ответственность. Не потому, что ему надо, а потому, что больше некому. Но её перебили. Люди начали решать свои вопросы. И тут началось такое, что я стоял и только головой вертел.

Кто-то сказал, что у него есть родственники в Узбекистане и что там всего минус двадцать пять и снега втрое меньше. Этот кто-то — а мне было не видно из-за толпы, кто говорил, — собирался ехать туда с другом на девятиместной полноприводной «Митцубиси Делика». На возгласы «как ехать?» он ответил, что машина готовилась к серьёзному безрожью и её обладатель уже ездил в магазин по сугробам. Топливо тоже есть. Они готовы взять с собой людей, но не бесплатно. Кто-то крикнул: «А как же кордоны?» Первый ответил, что он знает: за деньги и консервы можно выехать.

Люди разделились. Кто-то считал, что это абсурд и в доме безопасно. Кто-то вторил Ольге Марковне, что дом в полуаварийном состоянии и может стать братской могилой. Я стоял и думал, что смерть в машине под снегом на трассе намного страшнее. Тут, в доме, у меня были стены, батареи, запасы и кот. А там — трасса, снег, холод и неизвестность. Я не знаю, что выбрал бы, если бы был моложе. Но я был не моложе. И я знал, что останусь.

Потом люди начали голосовать. Те, кто решил уехать, пошли собираться. Остались Анна с дьяволёнком, Вова и Ваня, Шура, Митя, я, Лис, Юрий Владимирович и Ольга Марковна. Ну и, конечно, Макрон, который на собрание не явился. Шуре дали поручение проверить дом — точнее, наш подъезд и третий. Во втором никого не осталось. А Мите и Лису — подмести крышу.

И тут я первый раз услышал голос Лиса. Дерзкий, наглый, вызывающий. Он сказал:

— Вам надо — вы и прибирайте. Я не нанимался.

Я аж вздрогнул. Голос был молодой, злой, и в нём было столько раздражения, что я невольно посмотрел в его сторону. Лис стоял у стены, в своей мешковатой одежде, в кепке, надвинутой на глаза, и смотрел на всех с таким видом, будто мы его в чём-то обвиняли. Митя дернул его за локоть, что-то эмоционально сказал на ухо, и Лис, выдернув руку резко, раздражённо сказал:

— ЛАДНО.

И всё. И пошёл. И Митя пошёл за ним. И я стоял и думал: вот ведь человек. Первый раз за полтора года я услышал его голос, и это был голос человека, которому всё это до лампочки. Или который хочет, чтобы так казалось. Я не знал. Я вообще про Лиса ничего не знал. Но что-то в этом «ЛАДНО» было такое, отчего мне стало не по себе. Как будто он согласился не потому, что согласился, а потому, что решил: ладно, потом разберёмся.

Мы решили немного расчистить территорию перед домом. Не весь двор, конечно, — куда там, — а хотя бы пятачок у подъезда, чтобы можно было выйти и не утонуть в снегу по пояс. И мы чистили. Весь день, с перерывами на погреться. Я, Юрий Владимирович, Вова, Ваня, Шура — когда он возвращался со своих обходов, — и даже Анна вышла с лопатой, а дьяволёнок её бегал рядом и кидал снег руками, и это было, честно говоря, единственное весёлое, что я видел за весь день. Мы расчистили лишь небольшой квадрат. Не дошли даже до детской площадки. Но теперь хотя бы из дома стало реально выйти, и это уже было хорошо. Это было даже очень хорошо. Потому что, когда ты целыми днями сидишь в квартире и смотришь в окно, а выйти не можешь, потому что снег по пояс, — это не жизнь. Это заключение. А мы теперь могли выйти. Могли дойти до саней. Могли дойти до машины, если бы она была. Могли дойти друг до друга.

Днём во двор въехала «Делика». Я как раз стоял с лопатой, отдыхал, и увидел, как она выползает из-за угла, большая, белая, с высоким клиренсом, и снег перед ней расступается, как вода перед носом корабля. Люди, решившие уехать, которые до этого из окон наблюдали за нашими действиями как на сумасшедших, потянулись в неё вереницей. С чемоданами, с сумками, с рюкзаками, с детьми. Я стоял и смотрел на них, и мне было их немного жалко. Не потому, что они уезжали, а потому, что они уезжали вот так — в неизвестность, в машине, которая, может, и доедет, а может, и нет. Машина, буксуя, уехала. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом, и думал: ну, дай вам бог. Дай вам бог доехать.

Вечером мы разошлись по своим квартирам. Я вернулся домой, снял с себя всё, что можно было снять, и первым делом поставил чайник. Потом налил в тазик кипятку, развёл в нём порошок горчицы, сел на табуретку, опустил ноги и зашипел от удовольствия. Ноги гудели, спина тянула, руки не слушались. Но это было приятное гудение, от работы, от дела, от того, что день прошёл не зря. Я сидел с чашкой чая в руках, опустив ноги в тазик, и рассказывал Макрону о том, что происходит.

— Понимаешь, — говорил я ему, — уехали. Собрались и уехали. В Узбекистан. Где минус двадцать пять и снега втрое меньше. Может, они и правы. Может, там действительно легче. А может, и нет. Может, они сейчас на трассе стоят, и снег их замело, и никто их не найдёт. А мы тут сидим, в доме, с батареями, с чаем, с тобой. И знаешь, что я тебе скажу? Я лучше тут. Тут мой дом. Тут мои стены. Тут мои запасы. И тут ты. А там — что? Неизвестность. А я, знаешь ли, слишком стар для неизвестности. Я слишком стар для приключений. Мне бы пережить эту зиму, а там, глядишь, и весна. А весной, может, и снег растает, и магазины откроются, и свет будут давать не по графику, а как положено. И я, может, ещё на реку выберусь. Лодку свою проверю. Заплатки посмотрю. Может, ещё поплаваю.

Макрон слушал. Лежал на диване, морду положил на лапы, глаза прикрыл и слушал. Иногда мяукал в ответ — не перебивал, а именно отвечал. И я, честное слово, был ему благодарен. За то, что он слушает. За то, что он есть. За то, что в этой квартире, в этом доме, в этом мире, который сжимается всё сильнее, у меня есть кто-то, кому можно рассказать о том, что происходит. Пусть даже это кот. Пусть даже он не понимает. Но он слушает. А иногда и это — самое главное.

Я сидел, отпаривал ноги, пил чай и смотрел в окно. За окном было темно и бело одновременно. Темно от ночи, бело от снега. И снег всё валил и валил, и ему, казалось, не было ни конца ни края. И я думал: ладно. Переживём. Переживём и это. А завтра будет новый день. Я

поставил чашку, вытер ноги, вылил воду из тазика и пошёл спать. А Макрон остался на диване. Он теперь всегда на диване. Он, кажется, решил, что это его место. И я, честно говоря, не возражаю.

Несколько дней ничего не происходило. Температура не опускалась, замерев на минус сорока четырёх, и это «замерла» было даже хуже, чем если бы она падала. Когда падает — ты знаешь, что будет хуже, и готовишься. А когда стоит на месте, как вкопанная, — ты просто сидишь и ждёшь, и непонятно, чего ждёшь. Мы с Макроном оставили попытки спланировать поход в магазин. Я тщательно рассчитал наши запасы: при разумной экономии купленного должно было хватить до весны. Я даже составил табличку — сколько чего, на сколько дней, и сколько останется в сухом остатке к марту. Табличка получилась красивая. Аккуратная. Я на неё смотрел и чувствовал себя почти спокойно. Почти.

А потом, как гром среди ясного неба, — ночью я проснулся от того, что зуб на зуб не попадал. Холодина. Сквозь сон иду к батарее, трогаю — едва тёплая. Прямо еле-еле. Пошёл в комнату — такая же история. На кухне чуть горячее, но всё равно недостаточно. Я сгрёб в кучу все тёплые вещи, притащил обогреватель, по привычке включил в сеть — не работает. Стукнул себя по лбу! Электричества же нет. Как такое может быть. Холодало в квартире стремительно. Окна изнутри начал затягивать снежный рисунок — не иней, а именно рисунок, как на новогодних открытках, только от него не было радости, а был холод. Макрон трясся под одеялом. Часы показывали четыре утра. Всё, что я придумал, — набрать кипятка в пластиковые бутылки и грелку, обложиться ими и спрятаться под одеялом. Хотел досидеть до утра и пойти к соседу. Спать было страшно: в памяти тут же всплыл труп у магазина.

Я лежал и думал о своей жизни. Мне казалось, что она так быстро пролетела перед глазами. Буквально: родился, отучился, поработал — и всё. Чёрно-белая черта. Я вспоминал завод, смены, лица, которые уже стёрлись, вспоминал, как мечтал о семье и как она не сложилась, вспоминал реку, лодку, щенячью радость в глазах. И сам не заметил, как грелки начали делать своё дело. Руки и ноги перестали трястись, дыхание выровнялось, и я уснул. Непроизвольно, не специально. Просто уснул.

Проснулся от крика в ухо: «Живой! Живой!» Открыл глаза. Надо мной склонились Юрий Владимирович и Шура. Я перевёл взгляд на ломик в руке Шурика, на свою старую дверь, на щепки на полу и хотел уже было начать ругаться, но они рассказали мне, что отопление пропало не только у меня, но и в доме, и в соседних домах. Шура собрался выяснять, в чём проблема, и пойдёт в пункт теплоконтроля, а пока они провели перекличку — и откликнулись все. Все пережили эту ночь. Только я долго не открывал, они начали переживать, сказали, что стучали и кричали, но я, хоть убей, не слышал, и им пришлось выломать дверь. Шура, впрочем, крайне быстро привёл её в рабочий вид и сказал, что мне повезло, что она у меня такая старая, деревянная и дряхлая. Если бы была новомодная сейф-дверь, то они бы ко мне не попали. А я отшутился: «И я бы спокойно доспал». Веселиться причин не было.

Электричество в указанный час тоже не дали, и вот на этом этапе это было уже проблемой. У меня была небольшая походная буржуйка для обогрева и готовки, но её нельзя было ставить в комнате из-за угарного газа. Дымоход надо было куда-то вывести. Я долго ходил по квартире, и тут меня осенило. У меня есть циркуль-стеклорез! Я «спёр» его с работы, сам не понял зачем. Точнее нет, помню! Его хотели списать и выбросить, а он, собака, вполне себе рабочий! Вот я и забрал, так что даже не спёр. Я нашёл его, листок, карандаш и линейку. Померил диаметр трубы, перенёс его на низ окна, приложил стеклорез. Макрон замяукал, что-то типа: «Ты что, старый, совсем чеканулся?» Отчасти он был прав. Я никогда этим не занимался, и если что-то сделать не так, то стекло лопнет — и вот тогда это будет настоящая катастрофа. Я начал аккуратно чертить круг за кругом, прикладывая небольшие усилия. Вскоре образовалась борозда, я крутил и крутил. Мне казалось, что это будет быстрее и легче, но спешить было нельзя. И вот послышался заветный хруст. Идеально ровный круг выпал наружу и утонул в

снегу. Прямо в лицо подул ледяной ветер. Макрон замяукал и спрятался под одеяло, а я взял дымоход и аккуратно просунул его — и тут же замер.

Какой я старый дурак! Ты уже понял почему? А я тебе сейчас расскажу. Как только я затоплю печь, дымоход раскалится — и окно лопнет! Всё! Финита ля комедия! Нужно изолировать, а потом герметизировать. Я начал как тигр по клетке метаться по квартире и смотреть по сторонам, и тут мой взгляд упал на неё — глиняную, из натуральной глины, вазу, идеальный цилиндр! Я приложил её к трубе дымохода. Влазит! Нашёл пилку по металлу и начал отпиливать дно. Сегодня был день ювелирной работы. Одно неловкое движение — и каюк. Тут я справился и сразу понял, что нужно расширять отверстие в стекле. Макрон иногда высовывался, фыркал и обратно прятался, а я расширил круг, сунул туда вазу — держится идеально. Щели совсем небольшие. В вазу просунул трубу. Осталась герметизация.

Мой мозг начал вспоминать жизненный опыт. Смотри, что я вспомнил, может и тебе пригодится, не дай бог конечно: если взять золу, коей у меня в печи набралось немало, просеять и смешать с содой и желтками, то получится идеальная природная негорючая жаростойкая термоклеевая паста. Последние три яйца означали, что у меня есть шанс на выживание и то, что на завтрак будет омлет. Приготовления закончил, и вот я набираю тёмную кашицу со дна кастрюли, где всё это и замешивал, и размазываю. Самым трудным было дождаться, пока всё это схватится и засохнет. Процесс из-за холода был небыстрым. Топить планировал брикетами специальными. Горят долго, жара много, а главное — запас имелся на неделю минимум.

После обеда я натопил печь и с осторожностью посмотрел на стыки. Всё получилось! Дым валил на улицу, а комната начала наполняться теплом. Мы с Макроном сидели у печи, протянув руки и ноги, и грелись. Шура с соседом зашли ко мне, одетые во всё уличное, и, увидев меня в трениках, шерстяных носках и кофте, сначала подумали, что я сошёл с ума. Тогда я показал им своё творение. Пока Юрий Владимирович удивлённо качал головой, Шура с восхищением осматривал конструкцию, приговаривая: «Ровно! Тяга какая! Ой, и герметик с желтком, по старинке!» В комнате, конечно, было далеко не так, как с батареями, но на порядок лучше, чем без них.

Вечером зашла Ольга Марковна. Она сказала, что сеть больше не ловит и она лично оповещает всех о собрании через час. В этот момент я понял, что Шура ходил проверять по аварии и собрание было крайне важным. Я посмотрел на свою печь, на Макрона, на заиндевевшие окна и подумал: ладно. Переживём и это. Но что-то мне подсказывало, что переживать придётся долго.

Собрание началось, и весь наш немногочисленный состав собрался на втором этаже. Я пришёл одним из последних, потому что перед выходом проверял печь — не погасла ли, не пошёл ли дым куда не надо. Печь держалась. Дым шёл куда надо. Макрон остался дома, на диване, и я его понимал: на собрании ему делать было нечего, а на диване тепло. На лестничной клетке второго этажа стояли наши: Анна с дьяволёнком, который крутился под ногами и задавал вопросы, от которых у меня дёргался глаз, Вова и Ваня, стоявшие рядом, как два столба, Митя, который пришёл в своей обычной одежде, Лис, который стоял у стены, в кепке, надвинутой на глаза, и молчал, Шура, с чемоданом инструментов, хотя зачем он взял его на собрание, я не понимал, Юрий Владимирович с Ольгой Марковной, и я. Все. Весь наш дом в одном месте. Я стоял и думал: вот она, наша коммуна. Восемь взрослых, один ребёнок и один кот, который остался дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.